

Н. МИХАЛЫЧ

Ä Î Á Û × À

Ò À Ì Î ...

ЗАПИСКИ КЛАДОИСКАТЕЛЯ

Библиотека коллекционера "Раритет"

Москва 2001

Библиотека коллекционера
"Раритет"

Н. МИХАЛЫЧ

Ä Î Á Û × À

Ò À Ì Î ...

Записки кладоискателя

Москва 2001

Книга кладов

Вместо предисловия

Я понял, что нам сегодня повезет, когда еще на подходе к месту нашел подряд три водочных пробки. Это старая примета - первая находка должна быть пустой, из тех, что, плюясь, бросаешь обратно в ямку. Сколько раз бывало - найдешь сразу нее что-то интересное, что-то такое, что хотя бы можно положить в карман, а потом часами ходишь без единого дельного звука или вообще переезжаешь на другое место.

А место для поисков представлялось почти идеальным: ровный, недавно распаханый косогор, переходящий в обрыв над небольшой речкой, весь заросший невысокой свежей травкой. Посреди косогора возвышались три толстые корявые липы - несомненно, остатки парка.

Черное пятно посреди рыжей глинистой пашни, усеянное керамикой, битым печным кирпичом, фрагментами изразцов семнадцатого века, мы заметили еще осенью прошлого года, но тогда это поле было только-только вспахано. Грубые, в полметра высоты, отвалы плуга никак не позволяли там искать в полную силу, вот и отложили "до лучших времен".

Лучшие времена настали весной. Поле взбороновали, чего-то посеяли, несколько солнечных дней подсушили верхний слой... Отлично. Мусора, конечно, должно быть очень много, но с этим мы уже давно научились справляться. Машину пришлось бросить метрах в двухстах от предполагаемого места поисков и брести к липам пешком, Вот по дороге к ним я и нашел пробки.

Зато следующей была петровская копейка, в приличном состоянии. Еще шаг - петровская же крохотная чешуйка. Сам

Петр называл эти проволочные монетки "вшами", однако выпускал их вместе с монетами регулярного чекана довольно долго - давал привыкнуть народу. Попадаются они часто, ценности почти не представляют, но находка приятная. У ребят справа и слева тоже начало что-то такое попадаться.

Из следующей ямки я извлек такую находку, которая заставила меня аппарат бросить и идти ею хвалиться к товарищам. С глубины в полтора штыка я достал прорезную иконку-образок с Георгием-Победоносцем. Тонкой отливки, абсолютно целый, лишь немного погнутый и покрытый густой патиной образок был скорей всего начала восемнадцатого века. Раньше мне такой ни разу не попадался, поэтому рассматривал я его довольно долго, а мой товарищ, человек меркантильный и в мелкой пластике разбирающийся, охарактеризовал находку таким образом:

- Да на нем прямо написано - сто баксов, не меньше.

Сам бы я, если бы покупать, за него больше сорокапятидесяти не дал бы, но ему, может, виднее?

Через полчаса в карманах у каждого из троих брякало по десятку медяков. Нашли еще перстенок с раскрошившимся стеклом, обычный прямоугольный крестик, несколько пуговиц-гирек. Стандартный крестьянский набор. Дома здесь стояли до восьмидесятых годов, поэтому мусору было многовато, и поиски сместились на окраину, за околицу бывшей деревни. Я и здесь нашел медную иконку - и опять с Георгием, но более позднюю, с синей эмалью и обломанным навершием. Впрочем, навершие я тоже нашел - оно лежало в двух метрах от иконки.

А дальше... Л дальше начались пятаки, распаханый клад. Не в первый раз я их собираю на поле, но всякий раз - как впервые. Все трое увлеченно копали ямку за ямкой, вынимая большие, по пятидесяти граммов каждый, медные кругляши и складывая их в одну кучку, которая становилась все внушительней. Когда первое возбуждение прошло, весь процесс стал напоминать копку картошки. Все монеты лежали в квадрате десять на десять, и было их - за первый день - что-то штук сто шестьдесят. Маловато будет, не стовариваясь, решили

мы. Предыдущий наш "пятаковый" клад насчитывал тысячу штук. Надо искать еще - и мы разбрелись по сторонам.

- Рубль! - истошный крик с ближайшего бугра заставил двоих остальных кинуться смотреть. - Аннинский!

Находка на поле серебряного рубля-одиночки - штука очень и очень редкая. Рублями не разбрасывались. Лично я за все годы поисков отыскал всего лишь два таких рубля, причем один Николая II. а другой Александра III.

Поэтому найти такой рубль - значит, найти целый клад. И верно, через минуту - еще один, опять Анна, потом третий - Петр I. Еще - Петр I! Класс! За час хождений вокруг да около - девять серебряных рублей. Монеты лежали в чистой вспаханной глине на разной глубине. Одни почти на поверхности, другие чуть ли не на материке.

Девять рублей - как то не очень много, тем более что это явно лишь часть какого-то объемного клада, затащенная сюда тяжелым тракторным плугом. Пошли дальше, и метров пятьдесят прошли, вытаскивая только медные монеты, которых оказалось здесь огромное количество. А через пятьдесят метров опять начались рубли. Небольшой холмик оказался буквально усеян им. Две монеты увидели просто глазами, еще до засечки их металлоискателями. А штуки три извлекли с глубины сантиметров шестьдесят. У нас были разные приборы, и каждому нашлось дело. ХЛТ ловил монеты на предельной глубине, однако если сверху монеты лежал, допустим, гвоздь, то только гвоздь и ловился. Тогда вступал мой Фишер-7а, которому хватало лишь на сантиметр сместить диск в сторону и ухватить краешек монеты. После этого он ее уже не отпускал ни за что. Общеизвестно, что Фишер "берет неглубоко", но если уж "берет", то сомнений в находке не остается.

Короче говоря, на холме мы собрали 42 рубля. Неожиданно много было среди них монет Петра I. Немного поодаль находилось скопление серебряной "мелочи" - четыре полтины, по несколько пятакков, гривенников, двугривенных. По годам царствований среди найденного оказались все три Петра, две Екатерины, Анна. Елизавета, не было лишь Иоанна, самого

редкого и дорогого.

На следующий день удалось отыскать еще одно скопление монет - одиннадцать штук, а еще через день на старых местах нашли еще четыре рубля, с десяток пятаков и золотой червонец 1757 года....

Этим, впрочем, дело не ограничилось. Прошло несколько дней, и снова не утерпели, созвонились - и поехали опять туда же. Трава поднялась довольно сильно, на наш взгляд пора было косить. Кое-как прошлись по всем трем "месторождениям" монет, в надежде уловить может быть двойной звук, копая всякие сомнительные случаи, которые в другом месте ни за что копать бы не стали. Пусто. Как-то так получилось, что сошлись вместе опять на старых ямках, "на пятаках". Перекурили, соображая, что делать - пустыми уходить очень не хотелось. Мы, в общем-то, понимали, что стоим в буквальном смысле этого слова на монетах. Но "пробить" слой глины нашими аппаратами не получалось.

Тогда наиболее рьяный из нас, плюнул, отбросил сигарету и взял лопату. За несколько минут, прямо там, где стоял, он вырыл неглубокую, но широкую ямку и сунул туда тарелку металлоискателя. И аппарат отозвался ему чистым, хоть и не сильным "монетным" звуком. Выкопали один пятак, другой и третий. Взяли чуть в сторону - снова семь штук подряд. Попробовали копнуть в метрах трех - снова пятаки. Короче за полчаса собрали штук пятьдесят и сели отдохнуть, оглядываясь вывороченную нами землю.

В итоге мы сняли верхний слой земли на площади метров двадцать. Обнажился кирпичный фундамент какого-то строения. И с последним взмахом лопаты я увидел лежащую прямо на кирпичах желтую монету... Сердце екнуло, но в следующий момент я вспомнил все матерные ругательства, которые я заучил за всю свою прошедшую жизнь, ибо монетка оказалась тремя копейками 1948 года.

Зато вдоль фундамента мы нашли еще несколько серебряных рублей и советские полтинник, что окончательно поставило нас в тупик. Общий итог июня был такой: 71 рубль

от 1712 до 1803 года, четыре полтины, двенадцать монет мелочи, около трехсот пятаков. По всем сводкам найденных кладов - это один из самых больших кладов 18 века в Подмоскowie. Кроме того, нам удалось собрать на территории деревни и рядом с ней около тысячи медных монет, девяносто процентов которых оказались "съеденными", несколько чешуек, два медных образка, редкой формы поздний серебряный крест и множества разной бытовых вещиц из цветного металла, среди которых попала непонятная, но явно ранняя бляха не бляха, фибула не фибула, а круглая с соляренным кругом и изображением дракона, кусающего свой хвост. А кроме того - два свинцовых кастета и свинцовый кистень каплевидной формы.

То есть полная и окончательная тайна ни в одной другой русской деревне столь причудливого набора находок ни разу в нашей практике не было. Тайна требовала разгадки - и мы приступили к опросу местных жителей окрестных селений. Отыскали даже восьмидесятилетнего бывшего жителя этой самой деревни, переехавшего оттуда аж 1959 году. К нам вышел огромный хмурый мужик. Был он неразговорчив, подозрителен и хотел похмелиться. Однако рассказал, что в деревня была небольшая, двадцать три дома, ни церкви, ни господского двора, ни ярмарок в ней не имелось, и от матери своей он ничего подобного не слышал. В тридцатых годах многих в этой деревне раскулачили и сослали. Выходило, что загадок только прибавлялось. Мы до сих пор не знаем, один ли это был клад или несколько, почему в одном месте оказались монеты Петра I, золото Николая II и советское серебро, откуда в чистом поле взялось огромное количество медных монет, и вообще - что происходило на месте бывшей деревни Володькино в восемнадцатом веке?

Однако я твердо знаю, что мы туда еще приедем и загадку эту разгадаем.

Глава первая

Кладов в России много. Но не настолько, чтобы хватило всем.

Люди живут на территории России уже несколько тысячелетий, и за это время здесь, как и в любой другой части планеты, накопилось достаточно много спрятанных либо утерянных сокровищ - или того, что когда-то сокровищем считалось.

Кроме того, в мире нет, наверное, другой такой страны, на огромном пространстве которой произошло бы столько войн, вражеских нашествий, смут, бунтов, внутренних неурядиц. И каждая раз за разом возникавшая в России "нестабильность", опасная ситуация немедленно вызывали в людях желание как-нибудь подальше и понадежнее спрятать то, что могло быть отнято, сожжено или пропасть любым другим способом.

Велась эта традиция с самых древних времен и до нашего времени - старейшим российским кладом считается собрание каменных топоров и инструментов, которое было найдено в прошлом веке в большом глиняном горшке в Подмоскovie и которому насчитывается семь тысяч лет, а самый последний еще не отыскан вообще. Возможно, его еще не успели закопать.

А если кладов много, то и кладоискателей в России не меньше. Как становятся кладоискателями? Этого не знает никто. У девяти человек из десяти, прошедших мимо строительной ямы где-нибудь в центре Москвы, сердце даже и не екнуло. Но один вдруг заметит, что черная земля из котлована наполнена глиняными черепками, полусгнившим деревом, обломками кирпичей, ржавым железом. И тут сработает какой-то рычажок, щелкнет какое-то реле, замкнет какой-то контакт... Человек останавливается как вкопанный. Это все-таки, наверное, простейшая, самая примитивная и безобидная ненормальность - страсть к находкам...

Но если невозможно допытаться у кладоискателя, как и

почему он стал тем, кем он стал, то представить себе, зачем и кар прятались клады довольно легко. Любой человек может вообразить себе КАК ЭТО БЫЛО.

В каждой даже и не очень зажиточной семье всего за несколько лет скапливаются какие-то ценности. Дорогие семейные реликвии. Результаты профессиональной деятельности. Женские украшения - колечки, цепочки, сережки... В некоторые времена и мужчины по части украшений от женщин не отставали. Значит, были у них и собственные побрякушки. Что-то досталось по наследству, что-то принесла в дом с приданым жена, что-то прикупилось само собой со временем. Измельись, конечно же, и накопления на "чёрный" день. Были эти накопления, скорее всего, в монетах или в чём-то подобном - размером поменьше, а ценой побольше. Стоял где-нибудь сундучок, или шкатулочка, или просто глиняный горшок. В древней Руси деньги и ценности хранили часто в подголовниках - специально деланных выемках с крышкой на возвышениях под подушкой. Из средневековых документов известно, например, что у "гостя" Гаврилы Фатеева, жившего в 17 веке в Москве, "в подголовке денег пятьсот рублей, двести золотых, тридцать ефимков"... Нередко сразу же вместе с постройкой дома предусматривали особые тайнички для ларцов и сундучков.

Самая обычная, легко представимая и сегодня, жизненная ситуация. У крестьянина собрано поменьше, у купца или служивого человека - побольше. Если даже ничего ценного в доме нет, то часто возникало желание заиметь, переведя в уносимые на себе ценности то, что спрятать трудно,

И вдруг - опасность! Кочевники обложили город! Или вспыхнуло восстание! Или с войском идет на селение француз (поляк, немец, литва, татарин) и по слухам грабит всех подчистую. Или ходит по домам (квартирам) какая-нибудь своя собственная власть и отбирает нажитое имущество - ей ведь всегда не хватало именно наших денег. Значит, нужно уберечь самое ценное от чужих цепких рук. А куда? Конечно в землю!

В царствование славного государя Алексея

Михайловича Московию посетил австриец Августин Мейерберг. В своих записках, впоследствии изданных в Вене, он замечал: "Деревенские жители, да и сами дворяне, живущие в своих деревнях и поместьях, обыкновенно зарывают свои нажитые ков". Заметьте - по обычаю предков!

Обычай этот понятен. Уйти самому можно, с собой унести - нельзя. Значит, надо спрятать ненадежней, а потом Бог даст, вернуться и откопать. Железное, во все времена эффективное средство, но Бог был милостив - по грехам нашим - далеко не всегда. И чаще всего ценности оставались там, где их положил хозяин.

В 1898 году в Феодосии при ремонте стен погреба частного дома был обнаружен большой глиняный кувшин с четырьмя отделениями внутри. В каждом отделении лежали золотые и серебряные монеты, украшения, драгоценные камни. На боку кувшина была процарапана надпись, рассказавшая, что же это такое. Это был, конечно, клад, но необычный, вошедший в историю под названием "клад четырёх поколений". Этот клад собирала одна и та же семья, начиная с 14 века и кончая 1610 годом! Больше двухсот лет семья собирала по монетке клад, отказывая себе в самом необходимом, а в итоге все ценности достались каким-то совершенно посторонним людям.

Прятали и от собственных домашних, слуги скрывали от хозяина... А так называемые "воровскиеклады"? Их столько, что пришлось даже выделить им отдельную графу в общей статистике.

Клады прятали в кувшинах, горшках, в чугунных котлах, в медных котелках, в бочонках, сундуках, шкатулках, в переметных сумках, в кошелях, просто заворачивали в ткань, в шкуры, в кожаный лоскут. Легенды рассказывают о "возах" золота или серебра... Позже, в старых домах стали прятать чемоданы, саквояжи, стеклянные банки с ценностями.

Клады умели прятать. Писатель Михаил Афанасьевич Булгаков с присущей ему дотошностью описал процесс закладки клада в своем лучшем романе "Белая гвардия". Зимой

1918 года, когда Украина была оккупирована немцами и в Киеве хозяйничали гетмановские войска, когда петлюровцы повсеместно грабили и убивали, ценностей было спрятано немало. Инженер Василий Иванович Лисович, прозванный жильцами дома по Андреевскому спуску Василисой, однажды вечером тщательно завесил окна простынями и.-. "... взял стул, влез на него и руками нашарил что-то над верхним рядом книг на полке, провел ножичком вертикально вниз по обоям, а затем под прямым углом вбок, подsunул ножичек под разрез и вскрыл аккуратный, маленький в два кирпича, тайничок, самим же изготовленный в течение предыдущей ночи. Дверцу - тонкую цинковую пластинку - отвел в сторону, слез, пугливо поглядел на окна, потрогал простыню. Из глубины нижнего ящика стола, открытого двойным звенящим поворотом ключа, выглянул на свет Божий аккуратно перевязанный крестом и запечатанный пакет в газетной бумаге. Его Василиса похоронил в тайнике и закрыл дверцу".

И далее: "Пятипроцентный билет прочно спрятан в тайнике под обоями. Там же пятнадцать "катеринок", девять "петров", десять "Николаев первых", три бриллиантовых кольца, брошь, Анна и два Станислава". Еще в одном тайнике двадцать "катеринок", десять "петров", двадцать пять серебряных ложек, золотые часы с цепью, три портсигара, пятьдесят золотых десятков, солонки, футляр с серебром на шесть персон и серебряное ситечко (большой тайник в дровяном сарае, два шага от двери прямо, шаг влево, шаг от меловой метки на бревне стены). Все в ящиках эйнемовского печенья, в клеенке, просмоленные швы, два аршина глубины.

Третий тайник - чердак: две четверти от трубы на северо-восток под балкой в глине: щипцы сахарные, сто восемьдесят три золотые десятки, на двадцать пять тысяч процентных бумаг". В описаниях Михаила Афанасьевича две неточности. Первая: два аршина глубины, то есть почти полтора метра. Так глубоко никогда не зарывали - ведь самому потом откапывать, тем более зимой. И ещё: меловая отметка слишком ненадежная примета, ни один "кладовладелец" не

доверит свое сокровище таким недолговременным сооружениям. Сарай мог быть разобран, мог сгореть, мог просто сгнить от времени. Вообще-то полагалось укрывать клады около каких-то заметных мест. Такой приметой могло быть отдельно стоящее или старое огромное дерево, большой камень. Впрочем, Лисович собирался лишь пережить черные времена... Но ограблен он был, чуть ли не на следующий же день после закладки тайника. Хотя все найденные нами лично клады, как правило, лежали, чуть ли не посреди голого поля. Конечно, на пятьсот лет никто не рассчитывал.

Чаще всего клады зарывали в землю, но иногда топили в прудах, озерах, реках, опускали в колодцы. В Псковской области из старого колодца нами были извлечены ржавый остов ручного пулемета редкой системы Шоша, спрятанного там еще в гражданскую войну. Известны случаи находки кладов в дуплах деревьев, в старых пнях, под камнями. В городах клады прятали под полами, в вентиляционных отдушинах, выдалбливали тайники в стенах. В Москве однажды бомжи подожгли старинный дом, приехали пожарные, приехала милиция. Пожар оказался небольшим, и потушили его быстро. Пожарный вместе с участковым поднялись на чердак. Стоят, озираются. И тут к их ногам упала серебряная монета. Они подняли головы - и словно по волшебному слову к их ногам из балки посыпались монеты еще и еще... Кто-то когда-то выдолбил в балке тайник и заложил туда клад. Он лежал там и лежал, пока до балки не добрался огонь и не проел дерево насквозь.

Это клады укрытые специально, от чужих глаз, от жадных рук. Но случалось и другое. В 1996 году обычным российским садоводом-огородником был найден на тропинке посреди пахотного поля массивный золотой перс тень-печатка с геммой на горном хрустале. Огородник логично сообразил, очевидно, по грибному опыту, что рядом должно быть еще золотишко. За несколько суток он перекопал с десятков соток поля, но не нашел ничего, кроме ржавых гвоздей и сломанной подковы. Не успокоившись на этом, осенью он пригласил на

поле специалистов из московского Клуба кладоискателей и те с детекторами металла обошли несколько раз поле. Клада на нем не было. Перстень так и остался единичной, хоть и уникальной находкой.

Это была просто потеря.

В России есть что искать.

Однако невероятная ценность российских кладов, по сравнению, например, с "золотыми галеонами", несколько преувеличена. Дело в том, что до начала восемнадцатого века в нашей стране не было своего серебра, а разработка золотых месторождений началась еще позже. Все серебро в Московию попадало извне, даже первые русские монеты - проволочные "чешуйки" - чеканились из больших серебряных монет, привозимых из-за рубежа, из Германии, из Китая, с Востока. Лишь в 1707 году был запущен Нерчинский серебряный завод в Нерчинске в Забайкалье. За годы правления Петра I на Нерчинских рудниках Большой и Малый Култук было добыто около 2 тысяч килограммов серебра. Зато всего в России в те же годы было отчеканено звонкой монеты на 36,4 миллиона рублей, на что пошло 750 тысяч килограммов серебра!

Но и позже, в девятнадцатом веке, публицист Иван Слепцов писал, что "... обычный крестьянин так и уходил в могилу не подержав в руках серебряного рублевика с портретом государя, а о золотых монетах он и не слышал вообще". Впрочем, России было на что менять серебро, и ввозили его в страну много. Россия не была бедной страной, с ней торговали и перед ней заискивали многие державы. Поражают воображение домонгольские славянские клады - в основном это курганные ценности или украшения, найденные на месте древнерусских городов, разоренных Ордой. Коллекция скифского золота, хранящаяся в Эрмитаже, практически бесценна, хотя составлена она всего лишь из нескольких курганных находок, сделанных еще в прошлом веке. К нынешнему времени степных курганов, не разграбленных и не раскопанных, практически не осталось.

Принято считать, что курганы с золотым и серебряным

погребальным инвентарем находятся в южных областях России, но одна из самых ценных курганных находок была сделана в 19 веке на Севере - в Соликамском уезде Пермской губернии. До принятия христианства в самых разных племенах покойника собирали на тот свет с одинаковой тщательностью. Культ мертвых требовал длительного и дорогого погребального ритуала. Воину непременно клали в могилу оружие, доспехи, конскую сбрую, знатную женщину зарывали со всеми накопленными за ее жизнь драгоценностями. Ремесленник забирал с собой на тот свет инструменты, купец - весы с гирьками.

Но курганные древности, их поиски и раскопки - это отдельный и довольно сложный разговор... Тем более что иногда истории с найденным курганным золотом имеют долгое продолжение.

В январе 1926 крестьянин-единоличник из крымского села Марфовка нашел в распаханном кургане захоронение готского вождя, относящееся к раннему средневековью. Золотая диадема, золотые пряжки и подвески стали известны под названием "марфовского клада" и, в конце концов, перед войной переданы в Керченский историко-археологический музей, который уже имел богатую золотую коллекцию. Эта коллекция мирового значения состояла из 719 предметов - понтийские, боспорские, пантикапейские, греческие, римские, византийские, турецкие и русские монеты, бляшки, бусы, медальоны, медали, оклады икон, пряжки, браслеты, серьги, перстни...

В сентябре 1941 года она вся уместилась в обычный фанерный чемодан - музей готовился к эвакуации. Его так и называли - "золотой чемодан". Чемодан был закрыт на все замки, перевязан ремнями и опечатан. И 26 сентября директор музея Юлий Марти и инструктор горкома партии Иваненко вместе с музейными ящиками и "золотым чемоданом" отправились в тыл. На катерах через пролив, на грузовиках и подводах ценности Керченского музея довели до Армавира - казалось бы, вполне безопасного места. Никто и не думал, что немецкие войска вскоре окажутся и здесь. Ящики с экспона-

тами были помещены в склад. Однако при очередной бомбежке города бомба попала прямо в склад и все ящики сгорели при начавшемся пожаре. Долгое время считали, что и "золотой чемодан" пропал в огне. Однако в семидесятых годах журналисту Евграфу Кончину удалось добыть свидетельства, что это не так. Он записал рассказ Анны Моисеевны Авдейкиной, которая в 1941-1942 годах заведовала спецчастью горисполкома Армавира. Она утверждала, что обнаружила всеми забытый чемодан уже после бомбежки в здании Дома Советов. Наши собирались оставить город, всюду шла эвакуация. Анна Моисеевна немедленно доложила начальству, и для эвакуации коллекции был выделен целый грузовик. С большими трудностями Авдейкина добралась до станицы Спокойной, где передала чемодан заведующему местным отделением Госбанка Якову Марковичу Лободе. Больше она чемодана не видела, но из рассказов уцелевших очевидцев выяснилось, что Лобода не смог пробиться к своим и, в итоге, оказался вместе с чемоданом в партизанском отряде. В декабре 1941 года отряд был окружен, понес большие потери. Командир принял решение выходить из кольца мелкими группами, закопав весь лишний груз в разных местах. Чемодан с "золотой коллекцией" прятали командир отряда Соколов и Лобода. О судьбе командира ничего не известно, скорей всего он погиб, а Лобода был схвачен и расстрелян гитлеровцами. С их смертью были окончательно утрачены последние сведения о чемодане...

Однако в семидесятых годах Евграф Кончин обнаружил в архивах любопытный документ - письмо заместителя наркома просвещения РСФСР отправленное в 1944 году заместителю наркома внутренних дел с просьбой расследовать дело о пропаже золотого фонда Керченского музея. И в этом письме указывалось на сообщение председателя Армавирского горисполкома, о том, что чемодан № 15 был найден весной 1944 года на одной из бывших стоянок партизан - но абсолютно пустым.

НКВД провело следствие. Суровое, по тем военным временам. Но следов золота чекистам обнаружить не удалось.

Казалось, оно исчезло окончательно. Однако ровно через два года в лесу близ станицы Спокойная, в окрестностях которой происходили все драматические события, мальчишки нашли золотую диадему. Она попала в милицию, оттуда находку передали в Госбанк - и больше ее никто не видел. Если судить по описаниям, эта диадема весьма напоминала царскую диадему из "марфовского клада", который находился в том самом чемодане.

В семидесятые-восемидесятые годы поисками клада занималось сразу несколько самостоятельных экспедиций, которые облазили все леса неподалеку от станицы. Поиски не принесли результата, но энтузиасты остались - и поэтому окончательное решение о судьбе "золотого чемодана" выносить еще рано.

Курганные древности всегда привлекали исследователей, но даже несмотря на все старания графа Уварова, который в середине прошлого века раскопал более десяти тысяч курганов, за что сейчас проклинается археологами, наиболее ценные находки были сделаны уже в наше время.

К XI веку захоронения с "инвентарем", как выражаются археологи, почти прекратились, но это не означает, что ценностей на Руси стало меньше. В Новоспасском московском монастыре при раскопках 1997 года, которые вел кроме всех своих прочих научных званий научный консультант Клуба доктор исторических наук А.К. Станюкович, можно было видеть белокаменные гробницы родственников первых Романовых - в крышках саркофагов зияли уродливые дыры. Это работа французов в 1812 году, которые в гробницах искали сокровища. Им было невдомек, что в шестнадцатом-семнадцатом веке у покойников меняли золотые, серебряные, медные нательные кресты на специальные деревянные, а тело перед погребением заворачивали в саван - по обычаю в гробу все должно быть тленно. Никаких сокровищ вплоть до 19 века в русских погребениях быть не может. Это уже потом могли положить в гроб во всех орденах, оставить в склепе шпагу, не снимать с покойника дорогие кольца и перстни, что вызвало, кстати,

после революции массовое разграбление семейных усыпальниц и родовых склепов.

Однако по большому счету "могильные" ценности кладами считать нельзя, и вообще нарушать вечный покой мертвеца, даже если он скончался много веков назад, как-то не очень хорошо. Летом двухтысячного года, выехав в очередную экспедицию, мы наткнулись в глухом уголке Владимирской области на ужасающую взгляд картину. На высоком песчаном обрыве над пересохшей речкой высился остов церкви, судя по архитектуре семнадцатого века. Немного поодаль, на другом бугре, можно было различить заросшие старыми деревьями руины каких-то строений, по рассказам местных - барской усадьбы. Живописный, милый сердцу уголок. Однако в километре от церкви проходила строящаяся автотрасса "Холмогоры". И прораб участка послал людей с самосвалами и экскаватором брать песок из церковного холма. И началось... За неделю вывезли половину холма, на котором, кроме церкви, расположилось старинное русское кладбище с белокаменными надгробиями начала семнадцатого века. Его-то и разрушали теперь дорожники. Снизу хорошо были видны торчащие из разрытого обрыва остатки гробов, а прямо под гусеницами экскаватора валялись раздавленные черепа, кости, обрывки ткани, обломки каменных крестов. Зрелище было до того нестерпимое, что... В общем, как говорится милицейским языком, экскаваторщику были нанесены "легкие телесные повреждения", а прорабу, похоже, пришлось залечивать сломанные ребра. После этого мы навевывались на это место еще несколько раз, обязательно проверяя - не пригнали ли туда экскаватор снова. Мера воздействия оказалась эффективной, и разрушение кладбища остановилось. Но костей из разрытых всяческими мародерами склепов, могил и курганов видеть мне пришлось немало.

Искать лучше все-таки не на кладбищах.

Например, огромное количество кладов оставило население городов и селений Руси во время татаро-монгольского нашествия.

В Рязанской области под высоким берегом Оки есть деревушка под названием Старая Рязань. Полсотни окруженных яблонями деревянных домов, невысокая церковь, пристань для парома. Это название досталось деревне от процветающего древнерусского городка, обнесенного валами, столицы рязанского княжества. Кольцо из трех десятиметровых валов и непроходимые рвы сохранились и поныне. Во времена "батыева нашествия" Старая Рязань выдержала четырехдневную осаду - это известно из "Слова о погибели Земли Русской". Потом все-таки пала. В живых из защитников и жителей города почти никого не осталось. Евпатий Коловрат, былинный герой, застал лишь тела и дымящиеся развалины. За семьсот лет, прошедшие с тех времен, на городище было найдено девять кладов, а так как занимает оно не один гектар, то неизвестно, какие еще сокровища таятся в глубоком культурном слое древнего русского города.

Если археологи начинают масштабные раскопки в центре Москвы, то почти всегда следует ожидать, что будет найден клад, а чаще всего и не один. В широко известном глубоком раскопе на Манежной площади было найдено сразу два крупных клада, помещенных хоть и разными людьми и с промежутком в несколько веков, но практически в одно и то же место.

Судя по находкам, клад в те времена мог спрятать кто угодно. Кузнец прятал свои железные изделия, ювелир - украшения, купец - деньги, воин - оружие. В каменном веке укрывали кремневые топоры, ножи, наконечники стрел. Таких "производственных" кладов только в Подмосковье найдено около десятка. И не следует думать, что эти еле обработанные камни ничего не стоят - за иной каменный топор можно получить не меньше, чем за такой же золотой.

Кроме того, в России было несколько периодов, когда население городов и сел добровольно ли, принудительно ли несло скопленные ценности и сдавало их государственной казне. Так было в 1609-1611 годах, когда по всей Руси собиралось омское ополчение, так было в после первых

поражений русской армии в Северной войне, когда с церковью снимались колокола для переплавки в пушки, а из монастырей вывозились веками скопленные ценности. Другое дело, что колокольная медь никак на пушки не годилась, и пролежали снятые и разбитые колокола аж до Екатерины I. И не случайно, что эти времена также оставили после себя множество кладов. В 1898 году каменщики, ремонтировавшие хоры Великой церкви (Успенского собора) Киево-Печерской лавры наткнулись в стене на заложённую кирпичом и заштукатуренную нишу, в которой оказался богатейший клад России. Он и сегодня остается самым богатым кладом страны. В нише стояли четыре больших оловянных ведра и двухведерная деревянная кадушка, доверху наполненные золотыми и серебряными монетами. В кладе насчитали 16079 монет, медалей, жетонов, из них 6184 золотых весом больше 27 килограммов и 9895 серебряных, которые весили 273 с половиной килограмма. Это был типичный клад "длительного накопления" - монастырская казна, спрятанная от "птенцов гнезда Петрова", объезжавших монастыри в поисках ценностей. Все монеты этого клада были иностранными - начиная от античных. Многие оказались с русской надчеканкой. Такие монеты в семнадцатом-восемнадцатом столетиях называли ефимками: от западноевропейского названия "иоахимсталер".

Огромный клад Смутного времени отыскивали московские археологи в прошлом году во время раскопок на той же Манежной площади. Около 80 тысяч серебряных и медных монет общим весом около сорока килограммов были спрятаны в корнях дуба, некогда росшего в самом центре Москвы.

В 1948-1974 году в Эрмитаже был составлен список находок собраний русских монет, не вошедших в предшествующие сводки. Из четырехсот находок оказалось 8 кладов серебряных слитков XII-XIV веков, 24 клада монет удельного периода, 56 - периода правления Ивана Грозного, 131 клад был спрятан в Смутное время, 65 находок петровского времени, 19 кладов золотых монет XVIII - начала XX веков, 18 кладов времен первой и второй мировых войн.

Еще одно самое массовое ограбление народа, вполне сравнимое со Смутным временем и периодом ваучеризации-приватизации, прошло уже в тридцатые годы этого столетия. Тогда через системы магазинов Торговли с иностранцами (Торгсин) из семей были выкачаны многие и многие граммы бытового золота, которые влились желтой рекой и в те полторы тысячи тонн золотого сталинского запаса страны, оставшиеся потомкам, несмотря на огромные выплаты странам союзникам за вооружение и за помощь в индустриализации СССР.

В 1921 году были выпущены серебряные советские монеты. Они были абсолютно такого же размера и того же веса, что и серебро царской России и изготавливались на тех же машинах. Часть монет чеканилась в Англии. Были отчеканены также и золотые червонцы, однако они в обращение почти не поступали - ими осуществлялись иностранные платежи. В российской глубинке на первых обладателей серебряных монет приезжали смотреть из других деревень. Эти монеты старались не выпускать из рук, их переплавляли в слитки, делали из них различнейшую ювелирку, а из случайных золотых - сусальное золото. Чеканка такой монеты продолжалась до 1927 года. Но огромное большинство этих монет ушло в обмен на продукты в тридцатые годы во время голода, а часть осталась в разного рода заначках и кладах и была переплавлена в ювелирные украшения. Клад именно этого периода был найден поисковиками Клуба в 1996 году...

...Это был обычный среднерусский пейзаж - серые осенние поля, облетевший лес на горизонте, разбитые дороги, деревушка, оживающая только летом, вдалеке на пригорке - руины церкви с погостом вокруг. Поле отличалось от сотен тысяч других русских полей только тем, что именно на нем лежал клад, что, впрочем, тоже для русских равнин далеко не редкость.

И мы, трое, стоящие на обочине дороги, вооруженные лопатами и металлоискателями, знали об этом совершенно определенно и пустыми с этого поля уходить не собирались.

Нет более древней и отчаянней страсти, чем кладоис-

кательство! И если мы правильно понимаем под словом "клад" когда-то и кем-то спрятанные, а затем по разным причинам невостребованные ценности, то мы потратили несколько часов именно для того, чтобы эти ценности открыть и явить миру.

Во всем этом действии нет ровно ничего романтического, по крайней мере, внешне, нет опасных приключений, нет темных подземелий и обрывистых скал. Зато есть сладкое замирание сердца, когда из вывороченного лопатой пласта земли выскальзывает и взблескивает вдруг серебряным боком старая монета.

Так было и на этот раз. Первый "монетный" писк металлоискателя мы все услышали одновременно. "Здесь!" - сказали одновременно три голоса. Первую найденную монету мы долго передавали из рук в руки, хотя ничего необычного в ней не было - обыкновенный серебряный полтинник 1924 года с рабочим, кующим какую-то шестеренку.

Мы искали так называемый "распаханный" клад. То есть давным-давно зарытую кубышку зацепили плугом, раздавили тракторными колесами, а лемеха растащили монеты по всему полю. Найти такой клад можно только с помощью металлоискателя. На этом поле мы быстро обнаружили два места, где серебро лежало довольно кучно. Увидеть глазом маленькие, облепленные грязью металлические кружочки было просто невозможно, но прибор находил их безошибочно. Через некоторое время процесс поиска и вынимания монет из земли стал довольно привычным, а когда число находок перевалило за сотню, стал вырисовываться некий контур клада. Все найденные монеты были одних лет выпуска - 1921-1927 годов. Было и несколько царских полтинников и просто серебряных бесформенных плашек - владелец клада подгробал, видно, все серебро, которое попадалось под руку. В одном месте нам пришлось выкопать солидную яму глубиной примерно с метр, ибо металлоискатель звенел там снова и снова. На глубине обнаружили днище обыкновенной крестьянской кринки, к которой приклеилось несколько монет, и остатки плотной дерюги.

Тем временем заинтригованные столь необычным шевелением на поле к нам стали подтягиваться дееспособные жители деревни. Ими были местные мужики в количестве двух человек - кроме них поздней осенью в деревне оставались еще трое старух. В итоге собрался небольшой консилиум, и истина проявилась быстро. На окраине деревне нам показали заросшие бурьяном бугры и ямы - все, что осталось от усадьбы деда Феофана. Его хорошо помнили старухи. Человеком Феофан был нелюдимым, слыл местным богатеем, хотя, скорее всего, был просто прижимист. К Советской власти он относился однозначно - оба его сына погибли в гражданской войне, воюя на стороне белых. В 1928 году старик помер. Его изба и большой яблоневый сад перешли в коллективное пользование и вскоре те оказались в полном запустении. Дом сгорел, сад зачах - в нем и была зарыта кринка с серебром - затем его вырубил, а место распахали.

Мужики дивились на наши находки, старухи охали, самый бойкий вынес из своего дома драное и пыльное церковное облачение - епитрахиль и пробитый пулей старинный мельхиоровый кофейник, оставшийся от немцев, в 1941 стоявших в деревне. Получив за все это добро на бутылку, он тут же собрался на железнодорожную станцию в магазин и исчез. До станции было семь километров и больше мы мужика не видели.

Собрав основную часть клада, мы побрели с металлоискателем просто по полю. Тут нас ждали еще находки - крестьянская женская пуговица-гирька XVII века, екатерининская двухкопеечная монета, офицерская кокарда времен очаковских и покоренья Крыма, обломок нательного креста, упряжные пряжки и кольца, несколько свинцовых пуль-картечин, немецкие винтовочные гильзы, французская пуговица 108 полка времен 1812 года - и тому подобный хлам веков, представляющий большой интерес только для историков и коллекционеров.

Русские поля и перелески хранят в глубинах земли немало реликвий.

Поиски в городе значительно отличаются от поисков в поле или в лесу. Металлодетекторы тут практически неприменимы, так как город обычно завален всяческим железом, и включенные где-нибудь на чердаке старого дома приборы начинают немедленно "фонить", свистеть, звонить на разные голоса. А между тем именно большие просторные семьдесят процентов всех кладов, найденных в Москве за последние два десятка лет...

Объясняется это просто: ценности прятали на чердаках затем, чтобы никому нельзя было определить его владельца - ведь за хранение, скажем, золотых монет в иные времена можно было понести наказание, а хранение оружия всегда было противозаконным. Но не только чердаки таили в себе укрытые ценности.

6 марта 1985 года бригада рабочих РСУ-8 треста №2 под руководством мастера В. Трусова заканчивала разборку перекрытий дома №16 на Второй Красноармейской улице в городе Ленинграде. Работать им оставалось немного - надо было лишь сломать старый чулан у чёрной лестницы старинного доходного дома. Раньше в чулане дворники хранили метлы, ведра, лопаты. Двое рабочих быстро разломали половицы, обнажив балки перекрытий и засыпку. Подключили отбойные молотки и стали взламывать междуэтажное перекрытие. И тут вдруг молоток рабочего Быстрова целиком провалился в открывшуюся под полом дыру, повиснув на шлангах. Быстров заглянул в дыру, но там царил непроглядная тьма. Посветили спичками - внизу была комнатка с грудой каких-то вещей. Спуститься вниз вызвался некто Третьяков. Рабочие уже понимали, что они наткнулись на что-то необычное. Третьяков повис на руках, тяжело спрыгнул вниз и через минуту, оглядевшись, подал товарищам пуховую подушку и атласное одеяло. Затем в дыре показался большой позолоченный кубок, а ошеломленный увиденным Третьяков, сообщил в дыру, что подобных вещей там много...

Трое рабочих остались караулить тайник, а бригадир на такси поехал в ГУВД и вернулся оттуда с двумя офицерами

милиции.

Все в месте обследовали тайник и поняли, что когда-то одно из помещений третьего этажа было аккуратно перекрыто антресолями так, чтобы внизу образовалось небольшая потайная комнатка размером два на два метра и столько же в высоту. Над ним помещался дворницкий чулан, о котором все знали. Тайник был устроен очень хитро - попасть в него можно было только через потолок нижней квартиры, в котором ремонтники обнаружили три доски, поднимающиеся на абсолютно незаметных шарнирах.

Кладовая пережила несколько поколений жильцов этой квартиры, годы гражданской войны, блокаду, два или три ремонта - и осталась необнаруженной. В ней насчитали около тысячи предметов, аккуратно уложенных в ящики и развешанных по стенам. Одежда - смокинг, бережливо подвешенный на плечики, бальное бисерное платье, шубы, обувь, мужское и женское белье, халат, шляпа в коробке. Посуда - кофейники, хлебницы, ложки, вилки, столовые ножи, бокалы, чаши, графины, кувшины, блюда, флаконы, конфетницы, корзинки. Обиходные и памятные мелочи - кулоны, брошки, запонки, пудреницы, серьги, медали, знаки отличия, подвески, пенсне... Из тайника также достали ящик шампанского, трехлитровую бутылку с вишневой наливкой, шоколад, пакетики с кофе, мешочки с жареным ячменем, консервы, крупы, чай. Вытащили оттуда ведерный самовар, телефонный аппарат, подсвечники, бронзовые часы, две фарфоровые скульптурные группы, гардины, шторы, постельное белье, одеяла, подушки, коврики, кружева. Еще - деловые бумаги, документы, коллекцию почтовых марок, мешочек с разменной серебряной и медной монетой, три скрипки.

Разгадка тайника нашлась тут же. В бумагах оказались чековые книжки, документы и визитные карточки на французском языке на одно имя: "Владимир де Лабзин, чиновник по делам особой важности Министерства внутренних дел". Телефонный номер Владимира Николаевича Лабзина в петербургском справочнике совпадает с номером на

найденном телефонном аппарате. Все стало на свои места. Лабзин, важный чиновник МВД, бежал из России после октябрьского переворота, и после его отъезда прислуга убрала в тайник все оставшиеся вещи. Документы прислуги тоже были среди бумаг в тайнике. Но что именно помешало воспользоваться спрятанными вещами и хозяину и прислуге - осталось неясным. Круговерть гражданской войны не выпустила их из кровавого вихря.

Это была наиболее значимая находка из так называемых кладов революционных времен.

Не удивительно - к началу революции Россия стала одной из самых богатых стран мира. Золото, серебро, драгоценные камни и изделия из них хранились не только в старых дворянских домах, но и у купечества, у городских мещан, даже у крестьянства. Революция всколыхнула державу. В городах начался "жилищный передел". Из сотен тысяч церквей и монастырей изымались ценности, начались конфискации имущества у дворянства и буржуазии. Поэтому прятали вся и все...

В 1924 году в Москве в старинном дворце князей Юсуповых в Большом Харитоньевском переулке при ремонтных работах был найден один из ценнейших кладов - в замурованной нише под каменной лестницей был укрыт сундучок с изделиями из золота и серебра, а рядом лежала скрипка работы прославленного мастера из Кремоны Антонио Страдивари. Позже во дворе юсуповского дворца известный кладоискатель и исследователь подземной Москвы Игнатий Стеллецкий проследил четыре люка, в одном из которых начинался разветвленный подземный ход, но кладов в подземельях больше было. Стеллецкому несмотря на его фантастическую одержимость вообще в поисках не везло.

Немало кладов выворотили на поверхность в связи с реконструкцией центра Москвы. Под паркетом дома в Потаповском переулке в вентиляционной отдушине ремонтниками была обнаружены два шерстяных чулка, набитых бриллиантами, жемчугом, украшениями, а также бумажными

керенками. 111 зерен крупного жемчуга оказалось в кладе, а один из бриллиантов пришлось взвешивать на аптекарских весах - стандартное приспособление для измерения оказалось для него слишком мелким.

На Марксистской улице школьники в траншее нашли небольшую бутылку коричневого стекла, в которой было кольцо со 131 бриллиантом, брошь с рубинами и алмазами, серьги и кольца из золота и платины. В 1957 году в коммунальной квартире, устроенной в старом особняке, принадлежавшем банкиру, на Тверском бульваре меняли полы. Под досками нашли три металлических тусклых бруска. Сначала им не придали значения - на них прямили гвозди, ими прижимали крышки кастрюль. Лишь спустя полгода кто-то обратил внимание на необычно большой вес брусков и догадался потерять их шкуркой. Бруски оказались из червонного золота общим весом 2,5 килограмма.

Иногда клады XX века сопровождались записками - известны, по меньшей мере, два таких случая. В апреле 1962 года в стене известного недостроенного царицынского дворца была обнаружена гуттаперчевая коробочка, в которой в обрывок газеты 1919 года были завернуты 38 серебряных монет и несколько кредитных билетов Временного правительства. Монеты были явно коллекционными, так как представляли собой смесь различных номиналов, начиная от Анны Иоанновны. В коробочке лежала и записка: "Приду после войны. 1919 г. На, возьми, Боб от Щарда."

На чердаке дома на Сретенке в прошлом году кладоискатели обнаружили револьвер "браунинг" с патронами в идеальном состоянии - обильно смазанное оружие было зарыто в сухую чердачную засыпку и лежало в кобуре. К оружию прилагалось и разрешение на его ношение на имя Сруля Моисеевича Циммермана, подписанное, кстати, Урицким.

В тихом московском дворике, напротив знаменитого музея изобразительных искусств имени А.С. Пушкина на Волхонке, около фундамента здания лежал вросший в землю

валун, Семьдесят лет никому не было до него дела, он не мешал ни строителям, ни водопроводчикам, ни автомобилистам. Но два года назад кому-то пришлось в голову валун перевернуть. А под валуном оказалось углубление, в ямке - завернутые в резиновый лист два нагана, россыпь патронов к ним, две пары юнкерских погон и петлиц Александровского училища, разменная монета и серебряный портсигар с запиской, из которой явствовало, что этот тайник устроили два юнкера во время боев с большевиками осенью 1917 года. Их взвод был разбит красными и разогнан по московским дворам. Ребята положили в тайник все, что нашлось у них в карманах, объяснив в записке, что они опасаются за свои жизни и поэтому оставляют нашедшему номер счета в Английском банке и пароль для получения денег. Всё это звучит несколько фантастично, но ныне и номером и паролем занимаются юристы и утверждают, что шансы на получение денег есть.

Один из старейших советских писателей девяностолетний Лев Овалов не так давно рассказал занятную историю. В Москве всем известен Дом литераторов - ЦДЛ. Здание перестроено из особняка графа Олсуфьева, главы московских масонов в предреволюционные времена. В двадцатых годах там размещался детский сад. Лев Овалов хорошо знал заведующую этим садом - бывшую свитскую даму Николая II Елену Петровну Месину. Однажды к ней пришли две дамы - тоже из бывших и попросились переночевать в детском доме. Месина отказала, но дамы были настойчивы и пришли снова. Месина сдалась, а утром придя на службу, обнаружила разрытую клумбу, люк и подземный ход, ведущий в особняк, где под полом был оборудован объемистый тайник - уже пустой.

Революционные клады вообще оставили значительный след в советской литературе. Сюжетная завязка о буржуях или дворянах, возвращающихся в Советскую Россию за спрятанными сокровищами, прослеживается в книгах самых разных авторов - от Михаила Булгакова до Анатолия Рыбакова. Не кажется выдуманным и сюжет знаменитых "Двенадцати

стульев" - в городе Лодейное Поле Ленинградской области при ремонте старинного стула столяр нашел газетный сверток, в котором была значительная сумма в долларах начала века.

Газета, кстати, оказалось "Правдой за 14 ноября 1918 года.

После начала Первой мировой войны в России был официально введен "сухой закон". Водку и вино перестали продавать. Имеющиеся запасы были спешно перевезены в склады во внутренней России. Но многие богатые дома и имения имели собственные винные погреба. И некоторые домовладельцы из патриотических мотивов, а также, чтобы не подвергать себя соблазну, попросту замуровывали входы в погреба. Практически все винные погреба были разграблены после Февральской революции, однако в 1989 году один такой погребок был случайно найден рабочими, копавшими силосную траншею на месте бывшего барского дома. В погребе в целости и сохранности было около тысячи бутылок разного рода вин, коньяков, наливок и домашних ликеров....

На такие потрясающие воображение случаи и рассчитывают, обходя улицу за улицей и дом за домом, профессиональные кладоискатели.

Глава вторая

Профессиональных кладоискателей в Москве немного - может быть человек пятьдесят. Фанатиков еще меньше, не больше десяти. Это те, кто занимается кладоискательством постоянно, пытаясь, так сказать, строить на этом личное благополучие. Существуют еще и множество любителей, которые лазили (теперь это почти закончилось) по старым домам или ходят по полям с целью добавить что-нибудь старинное в свою коллекцию, но эта страсть другая.

Кладоискателями не рождаются. Ими становятся. Большинство тех, кого удалось разговорить, рассказали мне,

что все они начали с находок каких-либо ценностей. Один в ветхом комодке нашел двенадцать золотых монет, завернутых в бумажку, другой за притолокой обнаружил несколько серебряных ложек, третий где-то на антресолях наткнулся на спрятанные там иконы. Для некоторых эти находки лишь счастливая случайность, а для других подобные потрясения становятся определяющими - и тогда человек потерян.

Сейчас Москва усиленно перестраивается, особенно ее исторический центр. Старинные доходные дома, родовые особняки, знаменитые московские здания сдаются в аренду фирмам, и те тут же начинают вынимать из домов всю их начинку, оставляя лишь фасад. Те несколько дней, пока дома стоят пустые до прихода строителей, - дни кладоискателей. Дома методично обшариваются сверху донизу, и поразительно много обнаруживается в них интереснейших находок!

В девяностых годах сведения о находках поступали в Клуб кладоискателей примерно раз в неделю...

В двухэтажном здании постройки чуть ли не восемнадцатого века у знаменитой гостиницы "Россия" под полом кладоискателем найдена самодельная бомба времен первой русской революции - привет сегодняшним бандитам от их предков, бомбистов-революционеров. Бомба была полностью снаряженной и, так сказать, готовой к употреблению. Продана неизвестному коллекционеру реликвий на Измайловском вернисаже. Там же, забытая всеми, в мусоре лежала мраморная доска с высеченной надписью "Свободень от постоя".

В бывшей коммуналке на Сухаревке в тайнике за батареей обнаружен сверток из кухонной фольги, который содержал более миллиона левов бывшей Народной Республики Болгарии.

На чердаке старинного дома на Ордынке отысканы сразу два захоронения ценностей - типичная воровская захоронка - кожаный саквояж с инструментами для взлома и серебряное подарочное блюдо с обозначенной датой 1867 - закопанное в шлаковую засыпку под печным боровом ...

Кладоискателям как правило известны все потайные места в старинных домах - таких мест не так уж и много. Под балками на чердаках, за батареями в жилых комнатах, в отдушинах и уцелевших печах, под полами и за подоконниками - выбор не очень-то и богатый. Большинство находок относится либо к революционным либо к довоенным временам. Прятали обычно так, чтобы нельзя было догадаться, кто хозяин клада. Прятали холодное оружие - офицерские сабли, казацкие кинжалы, воровские финки. Прятали огнестрельное оружие - наганы первой мировой Тульского императорского завода, обрезы трехлинейных винтовок, вальтеры и браунинги, привезенные с фронтов Великой Отечественной. Прятали - и продолжают прятать - деньги. В подвале дома в районе Мещанских улиц отыскали развалившийся чемодан, набитый кусочками долларов выпуска двадцатых годов - крысы и мыши, оказывается, тоже любят зелень, пусть и не очень свежую.

Прятали золото и серебро: монеты, украшения, столовую посуду. Скрывали от посторонних запрещенную литературу - от сочинений Троцкого до порнографических альбомов. Прятали иконы и картины, прятали все праведно и неправедно нажитые ценности. И не всегда доставали из тайников обратно.

Однако кроме кладов в старинных домах кладоискатели ищут и просто случайные потери. Попав в нетронутый дом сразу после выселения жильцов, кладоискатели проверяют стены. Однажды нашли вмурованный в кирпичную кладку старинный запертый сейф. Выломали его оттуда целиком и неделю не могли вскрыть. В итоге просто распилили его чуть ли не пополам и нашли внутри четыре довоенных советских паспорта на разные фамилии, но с одной и той же фотографией. Ненужные теперь даже и бывшему владельцу документы передали в милицию.

Затем поднимают подоконные доски. Тайники там встречаются реже, но потери - чаще. В одной квартире в щели между окном и стеной застряли 74 монеты разного достоинства и времени - от николаевских серебряных до советских никелевых.

Но то, что лежит под полами в старых московских квартирах, иногда превосходит все ожидания кладоискателей. В щели между половицами, вентиляционные отверстия, в мышинные норки проваливались иногда такие вещи. Больше суповые серебряные ложки, женские браслеты, мужские запонки и мундштуки - в иных квартирах кладоискатели попросту просеивают сквозь строительную сетку весь квартирный мусор и вековую пыль. Здесь может быть и кольцо с трехкаратным изумрудом - случилось однажды и такое - и булавка с жемчужной головкой и ржавый нож с перламутровой изумительно красивой ручкой и золотой папиросный мундштук. На Софийской набережной в большом замкнутом четырехугольнике старинных домов около английского посольства и прямо напротив Кремля еще недавно можно было видеть аккуратные кучи просеянного аж через две сетки подпольного мусора. Все, что было найдено и оказалось ненужным, лежало тут же на дощечке...

Как показала практика, из средней московской коммунальной квартиры в шесть-семь комнат извлекается около пятидесяти монет, одно-два кольца или нательных крестика, десятков пуговиц - иные пуговицы стоят на Измайловском вернисаже у любителей по десять-двадцать долларов - а также множество абсолютно непредсказуемых безделушек. Спичечные коробки - и спички зажигаются! - детские игрушки, всякая роняющаяся на пол домашняя мелочь - и прочее, прочее, прочее.

В разгар зимы 1998 года в Клуб позвонили из компании НТВ - там очень хотели снять специальный репортаж о городских кладоискателях. Обычно мы соглашаемся на подобные предложения, но на этот раз сомнений было много... Любой рассказ о деятельности Клуба привлекает к этому делу великое множество любителей, которые и сами ничего не найдут, и остальным дороги перекроют. И все же репортаж состоялся, ибо телевизионщики сами отыскали подходящий для поисков дом, сами договорились с властями и с владельцами особняка, идущего под реконструкцию, о поисках

там и съемках этих самых поисков.

В назначенный день съехались. Дом нам понравился, Недалеко от Кремля, уютный такой двухэтажный особнячок. Сразу же собрали оставшиеся интересные бумажки - там были хлебные карточки военных лет, фантики от давно забытых сортов конфет, старые конверты с марками, открытки, фотографии. Здесь мы могли делать все, что душе было угодно, поэтому особо не церемонились. Вскрыли полы в одном месте - пусто, в другом - половинка серебряных щипцов для сахара, три дореволюционные монеты. Еще раз - пусто, лишь залежи вековой пыли. В доме кто-то побывал и до нас. Были уже разобраны старинные печи, сняты изразцы, выдернуты все провода из цветных металлов, кое-где выломаны половые доски.

Камера следила за каждым движением исследователей.

Однако снимать-то на самом деле было нечего. Телевизионщикам вообще почему-то кажется, что поиски артефактов необыкновенно зрелищны, и, убеждаясь, что это не так, пускаются на всякие выдумки. Так было и на этот раз. Поступали предложения срочно съездить домой, привезти, заложить и тут же найти что-нибудь имитирующее клад. Мы отказывались. Реконструкция событий, конечно, дело вполне возможное, но в этот раз нам не вполне нравилась. В общем, сняли на пленку все, что только могли. Ответили на все вопросы дотошной девушки-корреспондентки. Обыскали все возможные места. Ничего. Только тогда киношники начали сматывать провода. Они уехали, а мы остались - держало некое чувство неудовлетворенности. И решили еще разок, для очистки совести, пройти по дому. Разбрелись по комнатам и вскоре поиск прервал отчаянный крик с чердака, уже вроде бы обысканного.

И что же оказалось? В старой печной трубе, не использовавшейся по своему назначению лет пятьдесят, был спрятан клад. Но какой-то странный. Из-под глиняной обмазки печных кирпичей - стоило ее тронуть - прямо в руки посыпались медные монеты девятнадцатого века - пятаки,

копейки. Всего их было собрано около двухсот штук, что в сумме составляло пять примерно рублей. Кому и зачем потребовалось прятать медяки, да еще таким хитрым способом, мы не знаем и по сей день. Однако монеты были почти новые, хранились в сухости и вид их, сыпавшихся ручейком в полутьме чердака, был незабываем. И произошло буквально через полчаса после того, как уехали телевизионщики целый день терпеливо ждавшего что-то подобного.

Мы, впрочем, остались довольны. Еще и потому, что кроме клада в доме были найдены несколько любопытных, предметом, например, небольшая эмалевая иконка Христа, Спасителя хорошей тонкой работы.

Любая старая вещица, так или иначе, найдет своего покупателя. Собиратели и коллекционеры толкуются возле продавцов всякой старинной всячины на Измайловском вернисаже - достойном продолжателе дел славной Сухаревской площади. Тут и в самом деле иногда можно купить за бесценок что-то выдающееся, но чаще вам всучат какую-нибудь подделку, новодел, вышедший из рук безвестного умельца. Нумизматам там могут запросто предложить "семейный" рубль Николая I, несмотря на то, что их всего-то было считанное число, а владельцы каждого хорошо известны. Сюда же приносят и найденные монетные клады. До историков они, как правило, не доходят.

Археологам приходится искать клады самим, зато у них это неплохо получается. По закону никто не может вести в исторической части Москвы строительство без предварительного археологического обследования и раскопок. На эти дела заказчик вынужден отдавать три процента от сметной суммы строительства. Деньги это немалые, а раскопками в Москве имеют право заниматься лишь две организации: Музей истории Москвы, точнее недавно образованный Центр Археологических исследований, и Институт археологии, поэтому между ними ведется долгая и нескончаемая распря. Ни те, ни другие не хотят уступать площади под раскопки и деньги на их проведение. Пока борьбу одерживает Музей

истории Москвы.

Именно его археологами осенью был раскопан задний двор старого здания Университета на Моховой, где какие-то ловкачи получили разрешение на строительство подземного гаража. В шестнадцатом веке там были владения бояр Романовых. На пятиметровой глубине были обнаружены остатки сгоревшего некогда сруба и громадное количество медных копеек эпохи "медного бунта", когда народ протестовал против замены серебряной монеты медной. Вот такие монетки и были найдены, причем все они оказались фальшивыми, хотя и отчеканенными казенными чеканами. Кроме них были найдены заготовки для монет и инструменты. По сути дела был найден фальшивомонетный двор, где кто-то из Романовых, противников Годуновых, столь остроумно приспособил к делу украденные из казны чеканы и штампы. Современники отмечали слишком уж большую инфляцию в Москве даже для такого вполне сегодняшнего мероприятия, как обмен денег, что и вызвало возмущение народа, которое направлено было против Годуновых, а не Романовых.

Кладоискателям остаются старинные жилые дома, идущие под реконструкцию, но таких все меньше и меньше. Потом придется применять свой опыт в других городах. Интересно, что Петербург по количеству находок сильно от Москвы отстает, зато хорошей славой пользуются у кладоискателей среднерусские и приволжские города. Поиски ведутся везде и иногда настырные кладоискатели вторгаются в самые, казалось бы охраняемые и заповедные территории.

В Москве, как и везде, есть стройки парадные, для фасада, а есть и незаметные, так сказать - задворки. В ста метрах от Кремля и Красной площади, по Никольской улице за зеркальными стеклами модных магазинов, за свежеекрашенными стенами бывшего Историко-архивного института, а ныне не менее модного Гуманитарного университета стоит уже почти четыреста лет Спасский собор некогда знаменито Заиконоспасского монастыря.

У этого собора необычная судьба. Изначально он был

построен на месте деревянной Спасской церкви, срубленной еще при Дмитрие Донском, потом не раз перестраивался, надстраивался, реконструировался. В итоге в 1730 году над собором были надстроены еще два яруса - и старая кладка не выдержала. По стенам пошли трещины, их сразу же начали спешно укреплять - в результате кое-где стены собора получились в три слоя и достигли толщины в полтора метра.

Сначала он был в ведении известной Славяно-Греко-Латинской академии, и под полом собора было похоронены основатели академии достопочтенные просветители братья Лихуды (их могилы потеряны), в стенах его молились русские ученые Ломоносов и Магницкий и многие поколения российских священнослужителей, учителей, проповедников. Когда Академия в 1825 году была переведена в Троицко-Сергиеву лавру, собор был передан вновь образованному Заиконоспасскому монастырю. В начале этого века к нему была пристроена колокольня, ныне лишенная звонного яруса и застроенная торговыми помещениями.

При Советской власти в соборе размещался спецгараж; НКВД, общежития Метростроя, какие-то учреждения, пока в начале девяностых он, наконец, был не передан Русской Православной Церкви. Сегодня собор представляет собой конгломерат построек, начиная с шестнадцатого века и кончая сегодняшним днем. Поставлен он был на краю когда-то существовавшего оврага, затем под фундаментом собора прошла линия метро, затем был проложен шестиметровый коллектор Неглинки, затем... Затем с 1932 года здесь регулярно происходят аварии - подтопляется станция метро, оседает грунт, проваливаются фундаменты домов.

Как считает архитектор-реставратор Дмитрий Докучаев, работающий в Спасском соборе, ныне его "объект" находится в катастрофическом состоянии, и может рухнуть в любой момент. На собор действует вибрация от метрополитена, под его фундаментом происходит медленное вымывание грунта из-за постоянно текущей теплотрассы, проходящей неподалеку, делают свое дело время и бурная деятельность

человека. Между тем у храма есть прихожане, у монастыря - насельники, в соборе проходят службы, работает воскресная школа.

Все, что он мог, Дмитрий уже сделал. Заложил кирпичом все оконные проемы собора: есть такой способ укрепления зданий, особенно таких, чьи стены прямо-таки разламываются на глазах. Подвел новые фундаменты, скрепил стены. Денег на ремонт собора нет, а денег надо много - около 5 миллионов рублей, что для насельников монастыря и прихожан собора является цифрой астрономической.

Тем временем у Дмитрия Докучаева нет денег даже для того, чтобы заказать проект укрепления Спасского собора, и он, и несколько рабочих занимаются тем, что латают дыры, расчищают подземелья монастыря.

А подземелья эти и по сей час таят в себе немало исторических загадок. Еще недавно они были завалены землей, перемешанной с человеческими костями - остатками монастырского кладбища, битым кирпичом, строительным мусором. Уже около года в соборе работают члены Клуба кладоискателей. Расчищая один из сводчатых подвалов собора, нам удалось открыть еще один свод из белого камня, уходящий глубоко в землю - то ли остатки еще более древнего сооружения, принадлежащего подьячему Ветошникову, владевшему этим участком в шестнадцатом веке, то ли подвала Земского приказа, граничившего с монастырем в те же времена, то ли... Под собором может оказаться что угодно - вплоть до библиотеки Ивана Грозного, одной из самых таинственных загадок в русской истории. Но есть и другие версии: по некоторым сведениям когда-то от Никольской башни Кремля до Никольской же башни Китай-города существовал подземный ход будто бы военного назначения. Письменные источники говорят, что по этому подземному ходу можно было проехать на лошади с телегой. Свод, расчищенный под Спасским собором, как раз приблизительно такой ширины и есть.

По стершимся кирпичным ступеням узкой лестницы можно спуститься в подвал алтарной части собора и оказаться

тогда в большом и высоком подземелье на глубине примерно пяти метров от поверхности современной Москвы. Стены из больших почти квадратных кирпичей-плинф опираются на белокаменный фундамент - здесь это хорошо видно. Но ее три стены подвала покоятся на обычной забутовке, то четвертая, обращенная к Кремлю, стоит на полукруглой арке из тесаного белого камня. Сама арка тоже заложена камнем. Вдоль всей стены протянулась длинная канава, которую копают двое мрачных личностей в ватниках - несмотря на июнь в подвале не больше пяти градусов. Землю они выкидывают к дальнему углу, старательно просеивая ее на мелкой сетке. Отбирают человеческие кости, керамику, металлические изделия, резной камень. Кости складывают в деревянный ящик - их время от времени отпевают и хоронят по православному обычаю. Сего дня улов невелик. Две петровские медные монеты, стертая копейка Алексея Михайловича, почти целый обливной изразец, железные гвозди, обломки ножей. Но...

- Вот здесь явная пустота, - говорит один из парней и сильно топает ногой. Под его ботинком земля издает утробный гулкий звук. - Везде глухо, а вот тут что-то есть.

Парни охотно вылезают из ямы, и взамен них спрыгиваем мы. Снимаем штык земли, другой. В земле пока пусто. Но вот лопата наталкивается на что-то твердое и в грунте появляются крошки сгнившего дерева.

- Стоп машина, - командует мой старинный приятель и напарник по поискам, художник по прозвищу "Друг детей". - Давай теперь поосторожней.

Однако осторожность не помогла - здоровенный обрубок бревна был, видимо, сброшен в подвал во время строительства собора и ценности не представлял. Зато в другом конце канавы мы неожиданно наткнулись на погребение. В отличие от верхних насыпных и перемешанных слоев подвального грунта, этот скелет был абсолютно целым. Прямо посреди траншеи из земли выглядывал холмик черепа, ясно различались кости грудной клетки... Остальные кости уходили в не раскопанную середину подвала. Это уже был

шестнадцатый век, времена Ивана Грозного. Погребение решили не трогать, закрыв до времени деревянным ящиком. Нас же интересе сводчатый подземный ход. И чем дальше мы углублялись в землю, тем меньше оставалось сомнений в том, что обнаруженная нами кладка - именно подземный ход, пересеченный в этом месте фундаментом Спасского собора. А обнаруженный нами скелет - очевидно из некрополя стоявшей на этом месте деревянной церкви. Лежал он чуть выше клинообразного закладного камня свода и немного в стороне от него.

До основания тоннеля мы добрались, копая лопатами, только к завтрашнему дню. Пол подземного хода был тоже выложен глиняными грубо обожженными растрескавшимися плитками. Открывшийся небольшой участок пола немедленно проверили металлоискателем и обнаружили между плитками крошечную и почти стершуюся медную пулю. Даже то, что она именно тверская, а не московская, мы догадались большей частью по размеру монетки... Одну плитку мы осторожно вынули по частям. Под ней обнаружилась не тронутая никем и никогда чистейшая глина. Материк. Все правильно: от пола тайного подземелья до сегодняшнего асфальта мы насчитали восемь с половиной метров. Именно столько достигает в центре Москвы толщина культурного слоя. Тоннель был прорыт лет за сто до начала строительства собора и от глиняного пола до уровня шестнадцатого века - погребения - было почти шесть метров.

Мы осторожно, по крупинке, расчистили каменный завал. Бутовый камень держался прочно, к тому же залит был известковым тоже окаменевшим раствором. Толщину завала мы сразу определить не смогли - нужны приборы. К тому день кончался, в верхнем храме собора начиналась служба и, переодевшись, мы вышли прямо из тайных подземелий пятнадцатого века на одну из самых уважаемых улиц современной Москвы.

С приборами, способными определять пустоты под землей и со специалистами, мы появились в монастыре только

через неделю. Все это время ушло на бесполезные попытки заинтересовать нашим открытием хоть кого-то из известных археологов, на добывание бесконечных согласований о безвозмездной аренде жутко дорогого прибора и прочие, занимавшие массу времени дела.

Приборчик этот представлял собой небольшой пульт с многочисленными шкалами и лампочками, блок питания и четыре токопроводящих штыря, которые забиваются в грунт в нужных местах. Специалисты из ИЗМИРАНА (Института Земли) быстро раскинули провода и включили прибор. Однако наши надежды на чудо современной техники не оправдались.

Судя по показаниям прибора пустоты здесь были повсюду. И чаще всего так оно и было. И справа, и слева монастырь окружали старые подвалы, погреба, канализационные трубы, колодцы и все такое, для чего понадобилось разрывать землю и засыпать канавы вновь... Короче чуткий прибор, незаменимый для поисков в поле, попросту зашкалило, и никакой специалист не смог бы ответить - есть там что за кладкой или нет.

Мы вынули несколько камней. За ними всё та же черная земля культурного слоя, перемешанная с обломками изразцов и черепками. Попытки пробить землю металлическим щупом успехом, увы, не увенчались. А дальше разбирать ход было попросту опасно - над нами высилась громада Спасского собора, одна стена которого опиралась на арку подземного хода.

Поэтому нам пришлось приостановить работы. Без точного знания, что находится за стеной, дальше разбирать кладку никто не решился. С сожалением мы уходили из монастыря, с сожалением и чувством, что в любом случае расчищать это сооружение надо - в Москве не так уж много построек шестнадцатого века. Однако средств у монастыря нет не только на археологические раскопки, но и на спешные спасательные работы. И что таят подземелья Заиконоспасского монастыря, какие находки ожидают там исследователей - сказать можно будет еще не скоро.

Москва ныне усердно прихорашивается. Красят фаса-

ды, ремонтируют крыши, сносят развалюхи. Но стоит свернуть в какой-нибудь малозаметный переулок, пройти через арку в старинный московский дворик - если он конечно еще не куплен нынешними богачами "под себя" - и там ожидает прохожего все тот же беспорядок, горы мусора, обшарпанные стены, провалившийся асфальт.

Рядом с собором, буквально в нескольких метрах от его древних стен, группа почему-то армянских строителей спешно строят как бы башню Китай-города, выходящую прямо на Театральную площадь. В башне этой предполагается устроить ночной ресторан. Стройку надо, естественно, завершить побыстрее - вот там работы ведутся полным ходом, едва ли не в три смены. Еще один ресторан в историческом центре столицы для властей, конечно же, куда важней, чем еще один храм. Задворки Москвы, старые дворы - рай для современных кладоискателей.

Исследование подземной Москвы - это отдельная страница в летописи кладоискания и археологии. С первых же еще дубовых крепостных стен и больших домов-имений москвичи прокладывали самые разнообразные подземные ходы, устраивали водостоки, сливы, копали погреба, ледники, всякие кладовые и тайники, нередко связывая их друг с другом переходами и тщательно скрывая их от посторонних глаз. Эти подземелья носили оборонительное, потайное или же просто хозяйственное значение. В них прятали ценности, церковные реликвии, просто товары. Они служили некрополями, арсеналами, тюрьмами. Немало подземелий использовалось фальшивомонетчиками, сектантами, тайными алхимиками и колдунами. В крепостных стенах Кремля, Китай-города, Новодевичьего и Симонова монастырей были подземные галереи, предназначенные для тайных вылазок за водой в случае осады. Ходы обшивались дубовыми бревнами, тесом, позднее стали выкладываться кирпичом или белым камнем. Попадали в них из башен, из подвалов жилых дому человеку было практически невозможно. Москва часто горела, но и огонь почти никогда не добирался до укрытых в толще земли

кладовых и тайников.

Зато дома перестраивались и прокладывались новые ходы, пересекая и разрушая старые. В советское время в связи со строительством метро и высотных зданий именно в центре Москвы было обнаружены многочисленные ходы и загадочные подземелья. Их пытались исследовать археологи, но внимания на ученых особенно не обращали, тем более всякий подземный ход таил в себе, по мнению компетентных органов, смертельные опасности для властей и потому требовалось все засыпать, утрамбовать, а еще лучше - забетонировать. И засыпали, трамбовали, бетонировали. Игнатий Яковлевич Стеллецкий, неистовый кладоискатель и исследователь подземной Москвы, кое-где успел побывать, кое-что зарисовать и изучить.

Случайно находили - разумеется - и клады. Но клады преимущественно самых последних, революционных лет. Игнатий Стеллецкий всю свою жизнь искал в подземельях Кремля следы библиотеки Ивана Грозного, поэтому ни на что другое внимания просто не обращал. Библиотека эта тревожила умы нескольких поколений исследователей. В государственных архивах сохранились документы Преображенского приказа - пономарь церкви Иоанна Предтечи Конон Осипов доносил, что в 1682 году дьяк Василий Макарьев был послан царевной Софьей Алексеевной за неизвестным делом подземным ходом через весь Кремль - от Тайницкой башни до Собакиной. И где-то в середине тоннеля он видел две каменные палаты, заставленные сундуками до самых сводов. Пономарь хотел те палаты отыскать и просил на то позволения у князя Ромодановского. Князь-кесарь искать позволил, дал "капитана и десять солдат". С перерывами пономарь Осипов раскопки почти двадцать лет, но результатов добиться так и не сумел.

Продолжил раскопки и поиски палат с сундука в 1894 году чиновник по особым поручениям князь Николай Щербатов. Целое лето он командовал группой рабочих, пытаясь расчистить заваленные глиной и землей подземные ходы, но опять ничего не нашёл, а дальше, как всегда, кончились выделенные на то деньги.

Но подземелья были не только в московском Кремле - практически каждый древний монастырь, каждая церковь, каждый старинный дом имели свои тайники, подвалы, ходы. В особняке Рябушинских в 1924 году случайно обнаружили замурованный подвал. "...Вход в подвал вел через бывшую винную кладовую... Вход был замаскирован полками для хранения вин... В полу находится подъемная плита, снаружи невидимая. 8-10 ступеней, замурованных кирпичом, ведут в подземелье. По всему подземелью устроены полки, которые, по-видимому, были приспособлены для хранения вина... Все эти клетки, как и остальное пространство подземелья, буквально заполнено большим количеством музейных ценностей, хорошо сохранившимися картинами, миниатюрами, японскими шкатулками, полными старинных вещей - часы, табакерки и др. Здесь же имелись старинные вазы, фарфоровые статуэтки и пр. В подземелье также найдено большое количество документов, перевязанных пачками, два револьвера - средний браунинг и малый маузер с патронами, завернутыми в старые номера газеты "Раннее утро"..." - писала в то время о находке газета "Вечерняя Москва".

Еще несколько лет назад кое-кому удавалось сделать немалые деньги на старинных латунных оконных и дверных приборах, которые сотнями килограммов выносили из старых московских домов. Эти красивые блестящие штуковины - всякие дверные литые ручки, узорные шпингалеты, задвижки, заслонки и решетки - отлично и недешево продавались на скобяных рынках Москвы. Теперь прилавки завалены поделками из Индии и Египта, спрос резко упал ...

Страсть искать и находить - одна из самых сильных и древних страстей.

В "Печерском патерике" повествуется о некоем киевском иноке Федоре, который в какой-то "варяжской" пещере отрыл клад латинских сосудов, но доставать их оттуда не стал. Князь Мстислав Святополкович, прознав о находке, велел Федора "мучить крепко", чтобы тот выдал место пещеры. Инока пытали дымом, однако он почему-то молчал и, в конце

концов, был удушен.

Многочисленные сыскные дела о кладях ныне хранятся в архивах, а в XVII-XVIII веках "сыски" о кладях входили в обязанности воевод. Сыски были самые энергичные - опрашивали и самих находчиков, и их родственников и друзей, и свидетелей и приводили "к пытке и огню". Вот, например, сыскное дело о можайском кладе 1702 года. Местный воевода Петр Савелов доносил в Москву, что июня 9 дня в приказную избу явился посадский человек Герасим Васильев и открыл, что близ городского торгога "многие люди роют землю и ищут денег". Воевода тут же поскакал к торгу, самолично нашел 16 алтын - "а те деньги старинны". Из Москвы, из Разрядного приказа, от боярина Тихона Стрешнева, ведавшего служилыми людьми, вскоре последовал указ: "... то место разрыть, и вынять земли сколько пристойно, и тех денег и иной поклажи искать, и что будет вынять и описать именно, а тое поклажу и опись прислать." Воевода Савелов раскопки произвел, нашел еще 12 алтын, да мельничный жернов и все это отослал в столицу.

Баловалась кладоискательством и царица Екатерина Алексеевна, сестра царя Петра. Она пыталась отыскивать сокровища с помощью неких "планетных тетрадей", посылала слуг разрывать в полночь могилы на кладбище, сама выезжала в экспедиции, но как это бывает всегда, когда в серьезное дело вмешиваются колдуны и ведьмы, поиски её результата не принесли.

Крепостной вельмож Шереметевых Леонтий Ануфриев как-то заявил по начальству, что он, де, обладает средством для отыскания кладов. Доказывая свое умение, он клал на наковальню пузырек с "гремучим серебром", на него железную полосу и бил молотом. Взорвавшийся пузырек разрывал полосу пополам. Для крестьян это была большая диковина, но "колдуна" стали бояться и за кладами с ним никто уже

А в 1833 московский генерал-губернатор писал тогдашнему министру внутренних дел: "Прошлого апреля 12 числа при проезде секретаря Волоколамского земского суда Секавина в городе Волоколамске на дрожках по дороге к

сбору пристяжную лошадью выбит был копытом из земли кувшин со старинною разного сорта серебряной монетой". Известны случаи вырывания кубышек с серебром из-под земли свиньей, однажды сильный вихрь подхватил с земли вместе с пылью и крошечные русские монетки, пронес их какое-то расстояние и высыпал к ногам изумленных людей.

Ныне "лошадью" или "свиньей" кладов уже не найдешь. Современные чердачники, попадая на нетронутый их коллегами чердак, протыкают старинную засыпку специальными щупами, отлично зная десяток-другой мест, где во все времена делали захоронки..

"Чердачники" друг друга знают по кличкам: Лабман, Ганс, Вездеход, соперничают между собой и оставляют сообщения друг другу на стенах пустующих домов. Им быстро становится известно о находках - когда в одном из старых зданий на Маросейке рабочие случайно нашли золотой клад весом в четыре килограмма: монеты, ювелирные изделия, небольшие слитки, они узнали о нем раньше перекупщиков и тем более милиции.

Но и спустившись с чердака в дом можно ожидать находок. Вопреки распространенному мнению и описанию Михаила Афанасьевича Булгакова в стенах домов прятали ценности крайне редко. Долбить стены, вынимать кирпичи, потом тщательно все маскировать - дело трудоемкое, требует уединенности и определенного умения. В старое время предпочитали прятать под полом, благо в домах дореволюционной постройки расстояние под половицами до перекрытий было большим. Удобно, вещь всегда под рукой, а поднять половицу, а потом поставить ее на место можно практически бесшумно. Именно под полом в арбатском доме чердачником по прозвищу Седой была найдена довольно редкая трехрублевая платиновая монета Николая I - почти весь тираж этих монет был когда-то обменен на серебряные рубли по номиналу. Ослушаться царского указа могли немногие.

Ничего неизвестно о находках в подвалах домов - это хоть и странно, но объяснимо: подвалы всегда были обжиты

больше, чем чердаки, на которых прятали ценности опасные вещи именно потому, чтобы при обнаружении их нельзя было бы определить владельца. Оправдаться в том случае, если оружие или золото были бы найдены прямо в комнате, было гораздо труднее. К тому же мест, где можно было бы замуровать, зарыть, укрыть клад в подвалах больше, и кладоискателям пока неизвестны.

Однако, ниже подвалов ценности, по крайней мере в Москве, встречаются намного чаще. Поистине кладезем для археологов и поисковиков стали заваленные ныне строительным мусором старинные колодцы и бывшие выгребные ямы. При строительстве на Цветном бульваре роскошного здания под названием "Палаццо на Цветном" был обнажен колодезный сруб, сделанный в семнадцатом веке на берегу Неглинки, ныне текущей под бульваром в бетонной трубе. Кладоискатели, договорившись с рабочими-турками, сняли несколько нижних венцов сруба и извлекли из наполнявшей колодезь земли несколько глиняных, абсолютно целых сосудов, то ли брошенных, то ли уроненных в колодезь в начале восемнадцатого века. А из старой выгребной ямы, вскрытой строителями в переулке на Сретенке, прямо в лучшие антикварные магазины Москвы поступил серебряный молочник, бронзовое блюдо, и позолоченный эфес шпаги времен Николая I. Это не считая монет, пуговиц, стеклянной и фарфоровой посуды, бытовых мелочей и безделушек. Из той же ямы были извлечены десятки так называемых "шпильмарок" - игорных фишек прошлого века, очень похожих на монеты.

Еще ниже под асфальтом и фундаментами домов проходят трубы ливневой канализации, откуда наиболее удачливые кладоискатели иногда вынимают монеты всех времен целыми ведрами. Где-то на поворотах этих труб или в обрадовавшихся со временем карманах от раскрошившихся кирпичей скапливается годами все то, что теряют люди на улицах и потоками воды уносится в трубы. Специальными приспособлениями - нечто вроде проволочной корзинки на длинной ручке - они вычищают эти карманы, выгребая иной

раз золото в изделиях десятками грамм за раз. Ещё совсем недавно кое-кому давалось построить на эти колечка-сережки-брошки себе квартиры, да и теперь хватает на вполне безбедную жизнь.

Все эти категории охотников за сокровищами должны быть лишены естественного чувства брезгливости, ибо им приходится иметь дело большей частью с отбросами человеческой деятельности, так как именно в них оказалось безопасней всего прятать какие-либо ценности.

Но в последнее время появилось еще одно поколение современных кладоискателей, которые ищут то, чего никогда не теряли, в намного лучших условиях, чем городские охотники за сокровищами.

Не меньшие богатства хранят русские поля и леса. В российской истории было, по меньшей мере, три уничтожающих вихря, после которых на месте сел, деревень, хуторов, усадеб остались лишь пустые места. Большинство таких мест сегодня застроено, разрушено карьерами, залито рукотворными морями - и как следствие потеряно для поисков.

Однако русская земля всегда была густо заселена, и пустошей, распаханых полей, огородов на тех местах, где когда-то кипела жизнь, еще достаточно. Собственно, почти любое русское поле хранит в верхнем слое земли немало свидетельств прошлого.

Монеты, кольца, нательные крестики, детали конской упряжи, пули и наконечники стрел, фибулы и бубенчики, колокольчики и элементы воинского снаряжения, перстни пуговицы, топоры и сохи, инструменты, ножи и многое-многое другое, никак неуловимое взглядом, но легко обнаруживаемое современными металлоискателями, лежит в полях почти на самой поверхности.

От вятичей и кривичей до солдат последних войн все поколения населения оставляли в земле не только клады, но и просто потери, брошенные или в какой-то момент ставшие обременительными вещи. Археологические карты практически в любом районе средней полосы России указывают на десятки

селищ, городищ, поселений, ныне исчезнувших. Очень многие из них, кстати, исчезло именно на рубеже начала XVII века, во время польско-литовского нашествия. Разграбленные и сожженные в революцию, а потом распаханнные дворянские усадьбы и имения, сторожевые и караульные дворы, мельницы и питейные заведения, постоянные дворы могут принести за день поисков пригоршню монет, медных и серебряных, два-три крестика, колечко или перстенок. Нередки и так называемые распаханнные клады, с которыми автор этих строк сталкивался неоднократно.

Современное кладоискательство, конечно, во многом потеряло свое меркантильное значение, и сегодня служит, скорее, удовлетворением древней и неистощимой страсти к поиску, к разгадкам исторических тайн.

Но именно поэтому оно не умрет никогда.

Глава третья

Впрочем, часто из обычной и вполне понятной человеческой страсти поиски ценностей приобретают некое вполне патологическое значение. Именно таковы так называемые трофейщики ...

...В этом лесу, прежде чем разжечь костер, землю тщательно протыкают штыками - вполне в земле может оказаться снаряд или мина. Такие случаи помнят.

В этом лесу можно встретить людей с оружием. Можно услышать пулеметную очередь, а еще чаще взрыв. Сюда не ходят грибники и охотники, и даже местные лесники стараются держаться знакомых троп.

В этом лесу под городом Киришами - два часа на электричке от Питера и полчаса пешего хода - война лежит на поверхности. Зимой 1941-1942 года именно здесь наши войска пытались прорвать оборону фашистов и выйти к блокированному Ленинграду. Все атаки, судя по мемуарам

ветеранов, закончились тогда безуспешно, хотя линия фронта гуляла в этих лесах туда-обратно до самого лета. Немцы вгрызлись в железнодорожную насыпь, построив прямо под шпалам блиндажи и доты, примерно в полукилометре наши соорудили из двух рядов бревен длинный сруб, засыпанный землей, прорезали бойницы и выкопали свои землянки. Немецкая оборона углублялась в тыл на три-четыре километра и была почти круговой - со стороны Ленинграда на них также шли наши осажденные войска.

Кости здесь на каждом шагу. В корнях тридцатилетней березы застряла русская каска, а в ней - обломок челюсти. Из лесной лужи выглядывает кусок берцовой кости. Человеческие позвонки выдуло ветром из кротовой кучки на поляне.

Еще больше в этом лесу ржавого железа. Окопы, провалы блиндажей и землянок, ямы пулеметных гнезд, минометных позиций видны отчетливо. Чуть присыпанные листьями высовывают свои жала куски колючей проволоки. Стоит в лесу раздутый изнутри взрывом остов советского танка. Взорвали его уже после войны, из баловства. Сорвало башню, куски листовой брони валяются под кустами. Наверное, ребятки напихали в танк столько снарядов и мин, сколько поместилось. Этого добра здесь хватает. Под кустиком лежит толстенный снаряд какого-то большого калибра с проломленным боком. Он в свое время отчего-то не разорвался, и потому к нему даже не подходят - видна его желтая взрывчатая начинка.

Этот лес очень опасен, но люди в нем все-таки бывают. Всюду следы кострищ, свежая выброшенная земля, консервные банки. Железная будка на ближайшем полустанке линии электрички Петербург-Кириши пестрит процарапанными надписями: "Здесь был Вова-Гитлер. Взяли три блиндажа.", "Братва, мы нашли такое!", "Есть знаки. Стрелка там же". Это пишут черные следопыты, трофейщики, падальщики: сами себя они называют по-разному. Это они живут в этом лесу неделями, оставляя после себя пластиковые бутылки из-под спирта и горы вынудой ими земли из блиндажей и

окопов.

После войны этот лес уже убрали. Трофейные воинские команды прошли редкой цепью, скидывая найденное оружие в черные провалы блиндажей, откуда тянуло нехорошим духом, кидали следом противотанковую гранату и уходили. Проезжих дорог здесь никогда не было, зато всегда было много болот, ручьев, оврагов.

Сегодня лес, точнее то, что упокоилось в нем, стал средством выживания для многих и многих отчаянных людей. Найденную во мху немецкую противотанковую мину они вскрывают топором как консервную банку, обнажая взрывчатую начинку. Им отлично известна, что в немецких минах было три взрывателя - снизу, сбоку и основной сверху. Если верхний взрыватель стоит на красной черте - а краска ярка и поныне - мину не трогают, если на синей - она безопасна. Тогда тем же топором крошат с краю тротил и поджигают обыкновенной спичкой. Взрывчатка нехотя начинает гореть. Все разбегаются в укрытия, и, когда пламя доходит до одного из взрывателей, по лесу прокатывается гулкое эхо. Минометные мины с вкрученными взрывателями, ручные гранаты на месте обкладываются хворостом и поджигаются. Взрыв гремит минут через пятнадцать-двадцать. Судя по обилию снарядов и мин взрываю в этих лесах греметь еще долго.

Очень часто попадаются цилиндры немецких минлягушек. У них давно отгнили усики, их многих высыпались стальные шарики, но тротил не тронут, Немцы сбрасывали эти мины с самолетов и засыпали ими наши позиции.

За неделю, проведенную в этих лесах, мы нашли одиннадцать скелетов советских солдат. Это были те, кто пытался пробиться к своим из Ленинграда. Лишь несколько скелетов сохранились полностью. Находят их металлоискателями, срабатывающими на гранаты в поясной сумке, на пряжку ремня, на оружие - обычную русскую трехлинейку. Они так и лежат, под листвой, как упали в 1941 году. На уровне таза, там, где были карманы брюк - довоенные монеты, в остатках сапог - кости ступней. Ни при одном не было посмер-

тных медальона. Есть ложки, котелки, ножи. Кто из черных трофейщиков посовестливее - хоронят останки в безымянных неглубоких могилах. Ставят кресты, сколачивают пирамидки..

Но чаще трофейщики охотятся за оружием, наградами, предметами быта. У каждого щуп из русского четырехгранного штыка и лопата. В залитые водой глубокие воронки и загнутых вил. Блиндажи с обрушившимися накатами для "черных следопытов" интересны особо. Их в принципе нужно раскапывать все. Для трофейщиков там осталась немало любопытного. Кстати, там на глубине, без доступа воздуха, все сохраняется намного лучше, чем на поверхности. Откапываются Документы, газеты, ремни, куски мундиров, обувь. Немецкие штык-ножи в ножнах с шариком на конце ценятся особо. Найденное оружие прочищается, разрабатываются затворы, высушивается и смазывается. На следующий день оно уже способно стрелять. Патронов под ногами валяется очень много. Есть даже нераспечатанные цинки. Пуля из такого "ствола" летит не прицельно и недалеко, но винтовки и пулеметы все-таки стреляют. Автоматов под Ленинградом зимой 1941 года не было ни у русских, ни у немцев.

Трофейщики рьяно ищут именно немцев. Распарывают найденные короткие сапоги - в них иногда находят драгоценности, золото. Ищут кресты, медали, знаки отличия, немецкие офицерские и солдатские личные жетоны. Их продают на рынках в больших городах. Одно время немецкое посольство через благотворительные фонды оплачивало не разломанные воинские жетоны. Потом прекратило - когда немцы поняли, что в погоне за их деньгами трофейщики принялись раскапывать практически все солдатские могилы...

Занимаются трофейным ремеслом чаще всего жители окрестных мест, выросшие среди остатков войны. Многие покалечены. У одних нет пальцев на руке, как у Ельцина, у других посечено лицо, нет глаза. К костям, наводящим на обычного человека страх, они привычны. Отлично разбираются в марках оружия, в предметах амуниции, неплохо знают историю Великой Отечественной Войны. Почти у

каждого есть пистолет - либо ТТ, либо парабеллум. В тайниках хранятся немецкие карабины.

Чаще всего местные занимаются этим от безысходности, от безденежья. К ним приезжают "бригады" из больших городов и тоже ходят в лес. Что не найдут сами - купят у местных. Потом все всплывает в частных коллекциях. Ходят слухи о найденном немецком знамени, о кожаном чемодане с полной парадной формой оберста. Но это если и есть - то огромная редкость.

Конечно, в любом нормальном государстве этот лес быстро бы привели в порядок, кости захоронили, оружие собрали, снаряды и мины подорвали бы профессионалы. Мы уже более полувека не можем сделать этого. Ни военным, ни милиции, ни властям заниматься этой работой не хочется. Значит заниматься этим будут полуофициальные немного численные отряды поисковиков и намного более многочисленные группы "черных" следопытов. Лесов под Петербургом им хватит еще лет на десять.

В последнее время стали часты случаи продажи найденной военной техники за границу. И в самом деле кому в РОССИИ нужен остов самолета английского производства "Брюстер" с финскими опознавательными знаками, упавший в карельское болото в 1942 году? Зато на Западе самолет этой редкой марки ценится весьма дорого. Поисковая группа "Экипаж" время от времени размещает объявления о продаже той или иной единицы трофейной техники в "Интернете".

Для того, чтобы самолет, восстановленный из старого, сбитого и разрушенного, считался подлинным достаточно на первый взгляд немного - во-первых, чтобы была достоверна восстановлена вся история аппарата: известен его бортовой номер, фамилии и звания экипажа, последнее полетное задание и обстоятельства гибели, подтвержденные документально, а во-вторых, в самолете должны быть несколько подлинных деталей. Все остальное может быть и новоделным. Тогда стоимость восстановленного, получившего сертификат и способность вновь летать самолета вырастает в несколько раз.

Сегодня в болотах, на дне рек, озер, где в глухих лесах еще ржавеют корпуса танков, автомобилей, орудий, минометов и всего прочего. Все это - несомненная ценность, и даже точные сведения о местонахождении той или иной единицы техники ныне покупаются и продаются. Власти некоторых областей вынуждены были ввести запрет на вывоз найденной и поднятой из озер и болот военной техники. Так поступили в Карелии, где в лесных труднодоступных массивах, особенно в пограничной зоне, до сих пор лежат немецкие, советские, финские самолеты различных марок, сбитые в ходе отчаянных воздушных боев.

К сожалению, время и люди очень плохо действуют на военную технику. Специалисты даже утверждают, что именно люди, а не вода, не природа, не время уничтожили многие образцы самолётов, танков, автомашин и орудий... Я сам видел на погранзаставе озера Хасан, как собирают и взрывают оружие и снаряжение японских и советских войск, в изобилие оставшиеся на подступах к озеру. Сопка Хасан, на вершину которой ведет сделанная после войны каменная трёхсотметровая лестница, в буквальном смысле слова до основания изгрызена японцами, проделавшими в каменной толще тоннели, склады, доты, капониры и казармы. Так вот, практически все лазы и входы в эти подземелья ныне взорваны и завалены с советской стороны (полгоры принадлежит китайцам). Поэтому, что находится за каменной толще, за стальными дверями не знает ныне никто.

Бывает и так, что место, где лежит та или иная единица техники, известно всем на протяжении десятилетий, но так как достать ее очень трудно, да местным жителям и незачем, то и покоится танк или самолет до тех пор, пока не приедут туда люди, которым есть до него дело. Так было на озере Черном, что в черте Москвы - там на дне простоял почти пятьдесят лет тридцатьчетверка какой-то редкой модели. Из-за этого танка между группой "Экипаж", поднявшей его, и Министерством обороны, которому по существующему закону принадлежат все советские трофеи второй мировой войны, возник вялоте-

кущий и трудноразрешимый конфликт. Но когда найденная техника поступает в распоряжение властей, военные обычно не возражают.

Больше полувека стояла на дне Новомосковского водохранилища "Катюша" на базе трактора СТЗ. Таких "Катюш" в стране практически не осталось вовсе. А тогда, весной 1942, полгорода наблюдало за тремя машинами, наискось пересекавшими ми замерзшее озеро по санной колее. Примерно в ста метрах от берега последний из тракторов вдруг странно накренился и стремительно ушел под воду под треск ломающегося льда. Потом на краю дымящейся полыньи забегали люди, кто-то пытался даже нырнуть... Несмотря на все кары военного времени, полагающиеся за утерю боевой техники, достать "Катюшу" так и не удав лось. Потом фронт ушел на запад, до утонувшей машины никому не стало дела, и она так и осталась лежать на дне. Но известия о ней, рапорты и донесения уцелели в военных архивах, о тракторе-"катыше" помнили и в Новомосковске. К берегу озера в том месте был удобный пологий подъезд, поэтому экспедиция 1989 года была практически беспроблемной.

Тогда, казалось, главное - найти машину. Хотя сто было приблизительно известно, все же отыскать трактор под трехметровым слоем воды, учитывая, что уже на глубине двух метров погружаешься в взвесь ила, где не различишь вытянутой руки, было трудным делом.

А нашли трактор минут за пятнадцать. Утлая резиновая лодочка с болтающимся на пятиметровом фале коробкой магнитометра и с аквалангистом на борту отошла от берега, поплавала недолго, потом забарабанила на месте, и аквалангист спиной вперед опрокинулся в стылую ноябрьскую воду. Ждали его минут пять, не больше. Он вынырнул, забрался в лодку и, ещё не снимая шлема, показал рукой так, чтобы было видно на берегу - здесь!

И в самом деле: такую массу металла детектор, способный на пяти метрах определить крестьянский ведерный чугунок, уловил сразу же, слава Богу ничего железного и

сравнимого по массе в округе попросту не было.

Все остальное было делом техники. Вскоре на берег пришли три ДТ-100, а по воде прибыл водолазный катер. Водолаз в жестком костюме должен был определить, есть ли на направляющих "катюши" снаряды и если есть, то в каком они состоянии. Опасность взрыва существует всегда, и ее хотелось бы избежать.

Водолаз поднялся с сообщением, что направляющие свободны, что кабина трактора открыта и там вроде бы ничего нет. Значит надо было тащить. Размотали длиннющие тросы, водолазы за час закрепили их в разных местах трактора, дали отмашку на берег - и там взрвели моторы. Но все равно вытаскивали затонувший трактор целых два дня. Рвались тросы, иной раз приходилось менять траекторию движения, не выдерживали трактора... Но однажды часа в три вода в десяти метрах странно взмутилась, пошли круги и из темных глубин показались ржавые ракетные полозья легендарной машины. Она вылезла из озера вся в тине, водорослях, и понять, что это за чудище появилось из спокойной озерной воды, было трудно.

Машину оттащили на сухой берег, промыли от грязи и тины струей воды из пожарной машины и приступили к осмотру. Слава Богу, человеческих останков внутри не оказалось, хотя по архивным документам явствовало, что один из красноармейцев из экипажа машины утонул вместе с ней. В кабине был пристегнут к стенке кавалерийский карабин, в расплзшейся сумке лежало несколько гранат-лимонок без взрывателей, фляжка, чей-то ватник.

Тягачами машину дотащили до местной автобазы, где за нее взялись местные умельцы. Они разобрали двигатель, промыли, протерли и прочистили все, до чего смогли дотянуться, смазали и вновь собрали. Потом залили в бак солярку, масло и попробовали запустить. И двигатель завелся! В итоге, тракторная катюша своим ходом участвовала в параде Победы, а затем въехала по специальным эстакадам на приготовленный для нее бетонный постамент в центре города.

Войны любого времени оставляют после себя не только

множество трофеев и кладов, но и легенд и мифов вокруг них. Одним из таких распространенных мифов является известная "московская добыча" Наполеона, широко описанные поиски которой заняли немало лет и внимания...

На рассвете 19 октября 1812 года полусожженная и разграбленная Москва наполнилась стуком копыт и громоханием колес - Великая армия покидала город. После 35 дней пребывания в городе, оставив в госпиталях несколько тысяч нетранспортабельных раненых и больных, наполеоновские войска начали свое убыстрявшееся с каждым днем бегство из России. Мимо Калужской заставы между гранеными столбами, увенчанными двуглавыми орлами, на Калужскую же дорогу вытягивались колонна за колонной - более 14 тысяч конницы всех родов оружия, 90 тысяч пеших, обозы, артиллерийские парки, 12 тысяч нестроевых маркитантов со своими колясками навсегда уходили из Москвы. Сам император, окруженный полками старой гвардии, покинул столицу России лишь около полудня.

"Мы тащили за собой все, что избегло пожара. Самые элегантные и роскошные кареты ехали вперемешку с фургонами, дрожками и телегами с провиантом. Эти экипажи, имели вид громадного каравана. Взобравшись на вершушку холма, я долго смотрел на это зрелище, которое напоминало мне войны азиатских завоевателей. Вся равнина была покрыта этими огромными багажами, а московские колокольни на горизонте были фоном, который довершал эту картину."- эти строки из дневника неизвестного французского офицера были опубликованы в России лишь недавно.

Впрочем, сам Наполеон не считал свое отступление бегством. В приказе войскам говорится о марше в Смоленск, где будто бы были подготовлены зимние запасы для армии. "По прежнему желая атаковать Кутузова, он двинулся дальше ускоренным темпом, собираясь в результате ожидаемой им победы отбросить Кутузова за Калугу и решив разрушить оружейный завод в Туле..." - писал маркиз де Коленкур в своих мемуарах о походе в Россию. Однако армия была иного мнения

и хорошо осознавала, что в Москву им более не вернуться. Поэтому и у солдат в ранцах, и у офицеров в повозках были спрятаны все ценности, которые им удалось найти в Москве.

Но уже через два дня движения на обочинах дороги стали оставаться брошенные зарядные ящики и обозные телеги. "Лошадей пало много" - замечает де Коленкур 21 октября. Еще через три дня под Малоярославцем, выехав перед рассветом на утреннюю рекогносцировку, сам Наполеон едва не попал в плен казакам. Если бы казаки знали, с кем столкнулся их разезд на дороге... "Не подлежит сомнению, что император был бы убит или взят в плен." - де Коленкур, бывший в той стычке рядом с Наполеоном, знал, что писал. Именно после этой рассветной схватки император издал приказ о подготовке армии к долгому и быстрому маршу. Часть обозов было велено бросить.

Судьба Великой армии была предрешена. Однако надежды еще оставались. "Всем казалось, что Смоленск означает конец лишений." - продолжает маркиз де Коленкур. От Можайска до Смоленска 300 километров, французы преодолели этот путь за две недели. Обочины Смоленской дороги превратились в одно большое кладбище с безымянными могилами. "2-го мы были в Семлёве, 3-го - в Славкове, где мы увидели первый снег." - записки де Коленкура отличаются необыкновенной точностью. "9 ноября около полудня мы вновь увидели Смоленск". Часть войск вместе со старой гвардией и императорским конвоем вошла в город, остальные расположились в окрестных селениях. Войска собирались долго, подтягивались отставшие. Армию надо было реорганизовать. "Я сжег много экипажей и повозок." - говорит де Коленкур. Филипп-Поль граф де Сегюр - генерал и писатель, находившийся в свите Наполеона в чине адъютанта, в 1824 году издал свои мемуары, в которых позднейшие исследователи выделили несколько только фраз: "От Гжатска до Михайловской деревни между Дорогобужем и Смоленском, в императорской колонне не случилось ничего замечательного, если не считать того, что пришлось бросить в Семлевское

озеро вывезенную из Москвы добычу: здесь были потоплены пушки, старинное оружие, украшения Кремля и крест с Ивана Великого. Трофеи, слава, все блага, ради которых мы все жертвовали всем, стали нам в тягость, теперь дело не о том, каким образом украсить свою жизнь, а о том, как спасти ее. При этом великом крушении армия, подобно большому судну, разбитому страшной бурей, не колеблясь, выбрасывала в это море льда и снега все, что могло затруднить и задержать ее движение!"

Остатки разбитой армии покинули Россию, но уже через пять лет бывшие офицеры ее стали проситься обратно - за своими ценностями, брошенными, закопанными, утопленными где-то на пути своего отступления. Кому-то и в самом деле разрешали приехать, но, как правило, память наполеоновских служак удерживала лишь ужасы бегства - голод, холод, казаков, и никаких сокровищ из России им вывезти не удалось.

Однако фраза графа де Сегюра, едва только мемуары прочли в Москве, подвигла на поиски "московской добычи" и многих соотечественников. Смоленский генерал-губернатор Н. И. Хмельницкий первым послал людей обследовать озеро Семлевское известное также и под именем Стоячее. Сокровищ обнаружить не удалось. Но поиски не прекратились, Несколько лет искали пушки приехавшая из Петербурга команда предприимчивых людей - но тоже безрезультатно. Еще раз берега Семлевского озера увидели кладоискателей в канун подготовки к столетию Бородинской битвы, когда по всей России собирали все, что имело отношение к французскому вторжению в Россию. В Смоленской губернии было собрано немало добра, оставшегося после французов - ружья, повозки, нашлись даже мундиры, но Семлевское озеро хранило свою тайну.

Потом всем в России надолго стало не до каких-то там наполеоновских сокровищ,

К ним вернулись в сытые хрущевские времена - забытые ныне уже комсомольские отряды организовала экспедицию в Семлево под эгидой газеты "Комсомольская

правда". Многим, наверное, помнятся захватывающие репортажи оттуда - вот приехали, скоро начнем искать, вот-вот найдем... Вот уже ищем и скоро-скоро... Снимались фильмы, показывались по телевизору. Ажиотаж был большой.

Искали аж двадцать лет - последний "комсомолец" уехал из Семлева в 1981 году. Никому не были слышны голоса историков и археологов о бесполезности поисков. Парни плавали на лодках, ныряли, спускали водолазов, сваривали на берегу конструкции из железных листов - будто бы понтоны, устраивали поблизости взрывы из найденных в окрестных лесах боеприпасов Великой Отечественной. Приезжали и зимой, в огромные проруби опять спускали водолазов. Пытались наладить металлоискатели, для чего опутывали озеро проводами. Размах поисков был нешуточен. Кончилось дело потоплением своих понтонов, полным раздрыггом компании и понимания наконец-то абсолютной безрезультатности поисков.

Лишь потом кладоискатели прислушались к историкам, которые почему-то утверждали, что позолоченный крест с колокольни Ивана Великого вообще был обнаружен в Кремле, прислоненным к стене собора и благополучно водружен на место, о чем в архивах сохранились рапорты, к географам, почему-то утверждавшим, что за сто пятьдесят лет изменилась и топонимика названий и сама природа этих мест, к метеорологам, которые доказывали, что в осеннюю предзимнюю распутицу ну никак французам нельзя было протаскать пушки и обозы по болотам и лесам к озеру - и зачем это им было делать, бросавшим и до и после Смоленска целые батареи просто на дороге?

На современной карте-двухверстке вокруг самого райцентра Семлева озер нет. Озеро Стоячее существует, но находится оно на речке Дыма в десяти километрах от райцентра я дорог туда нет. Семлевское озеро не попало на карту потому, что стремительно заболачивается и каждый год уменьшается в размерах. От него до старой Смоленской дороги - полкилометра. Есть основания полагать, что во времена

нашествия двенадцати язык оно было видно с тракта. В принципе французы вполне могли бы им воспользоваться, но вряд ли им удалось бы провезти тяжеленный обоз по сплошным болотам, не замерзающим иногда и в декабре. Вспомним, что первый снег в 1812 году выпал в Смоленской губернии лишь 3 ноября.

И что все-таки за ценности тащили с собой французы. Как было дело с крестом - уже понятно. Но что это за "Украшения Кремля"? А "старинное оружие" - что имеется в виду графом де Сегюром? Видимо это были оклады с драгоценных икон, ободранные французами да образцы холодного оружия из кремлевского арсенала. Вряд ли всего этого было много - ну может быть несколько повозок.

В легендах о кладах всегда надо начинать с выяснения - откуда ценности и могли ли они оказаться там, куда указывает легенда. Клад Наполеона - не исключение. Конечно, французы увозили из сожженной Москвы, много. Но так сказать, государственного значения, эти ценности не имели. Государственную ценность для французов могли иметь две вещи - продовольствие для людей и фураж для лошадей, но никак не серебро и не "старинное оружие".

Кстати, московский генерал-губернатор граф Федор Васильевич Ростопчин в своих "Записках о 1812 году" упоминает о том, что из Москвы были вывезены все наиболее чтимые иконы, а также серебряные люстры, подсвечники, ризы, оклады книг из большинства церквей и соборов, а те, что увезти не успели, были надежно спрятаны монахами монастырей и самими священниками.

Французы уносили в ранцах немало - и почти все это было собрано окрестными крестьянами или увезено на Дон во вьюках казаков атамана Платова.

Поэтому реально можно говорить об утоплении французами лишь части своего артиллерийского парка.

9 января 1836 года российский подполковник, чья фамилия канула в Лету, пишет такой рапорт: "В бытность мою в Вяземском уезде, где находится Семлевское озеро, желая

собрать на месте сколь можно ближайšie об означенном событии сведения, мне удалось узнать, что действительно после общего отступления французской армии помещик села Семлева г-н Бирюков отправил в земский суд 40 лафетов, но пушек от них за всеми тогдашними разведываниями не найдено, из чего следовало заключить, что означенные орудия не были везены дальше Семлева и плачевное положение ретировавшейся от Вязьмы французской армии заставило бы воспользоваться Семлевским озером, чтобы укрыть с нем добычу и бесполезные в то время орудия". Подполковник был абсолютно прав - если что и лежит в болоте около озера, так это сорок наполеоновских пушек. Размеры полевых орудий известны - полтора-два метра, вес тоже - около пятисот килограммов. Провезти их без лафетов к озеру просто невысказано - французы попросту свалили пушки в ближайшие трясины, покрытые сверху тонким слоем воды. Ныне эти болота далеко от места поисков всех экспедиций последних лет, хотя обнаружение орудий современными глубинными металлоискателями вполне реально. Нормальная экспедиция, которую организовали бы поисковики-профессионалы, потребовала бы не так много средств и времени, чтобы либо окончательно разрушить эту легенду либо подтвердить существование наполеоновского клада. Но на многое рассчитывать не приходится - главное, разгадать бы загадку. В любом случае обследовать экспедициями окрестности Семлева необходимо - что-нибудь отыщется обязательно.

Глава четвертая

Загадок, исторических тайн в России предостаточно - для исследователя простора хватает. Но следы этих тайн всегда прячутся в местах тихих, спокойных, неярких.

В России не так уж много незаметных деревень, которые однако знал бы каждый. Подмосковное полудачное

сельцо Радонеж, родину Сергия Радонежского, знает, наверное, каждый. Для любого православного человека Радонеж - не просто покосы, но некая местность, осененная святым именем.

Сегодняшний Радонеж - это железнодорожный полустанок, асфальтовая дорога, по обе стороны которой обычные сельские дома, огороды под картошку, церковь да клыковский памятник Святому Сергию. Жителей в сельце без магазина, наверное, меньше, чем жило здесь в начале четырнадцатого века, когда в Ростове Великом в боярской семье Кирилла и Марии появился сын Варфоломей, ставший спустя сто лет самым почитаемым в России святым. Правда, сейчас дома в дереве скупают люди церковные, активно занимающиеся хозяйством. Пашут, сеют, пасут скотину они в тех же местах, где делали это и семьсот лет назад. По крайней мере, современный пейзаж в Радонеже удивительным образом совпадает с ландшафтом, который изображен на известной картине Нестерова.

Тогда Радонеж был княжеским городом, удельным центром князя Владимира Андреевича Серпуховского, а его укрепленное городище - "городком", куда в часы опасности стекались жители близлежащих деревень и однодвонных селищ. Вокруг Радонежа современные археологи насчитывают больше тридцати таких славянских поселений. Но скорей всего жили люди здесь еще раньше - на территории самого городища, которое сегодня занято кладбищем, при рытье могилы была найдена бронзовая литая фигурка медведя, датированная ранним железным веком.

Археологов Радонеж привлекал всегда. Жизнь здесь замерла в начале XVII века, когда городок сожгли польско-литовские интервенты, и возобновилось только в начале XIX века. Сравнительно незастроенный, почти без изменений дошедший до нас ландшафт, глубокий культурный слой позволял историкам сделать интереснейшие находки, по которым можно судить о том времени. В тридцатых годах раскопками в Радонеже были заняты больше ста квадратных метров городка и его окрестностей, копали археологи и позже,

но самые важные находки были сделаны весной 1997 года обычными любителями истории, а не профессионалами-археологами. Это уж потом самый обыкновенный козий выпас у Радонежа заполнился ученым людом, расчертившим поле на полосы, заложившим правильный раскоп, и вообще делавшим все по науке.

А дело было в том, что на этом выпасе в один и тот же день были найдены сразу два клада - вещевого и монетный!

Собственно долго этого никто не понимал. И лишь когда на участке размером с обычную жилую комнату все чаще и чаще прямо в дерне стали появляться крохотные плоские кусочки серебра неправильной формы, но с оттиснутыми на них надписями - монеты времен Ивана Грозного, всем стало ясно - клад. Монеты пролежали в земле больше трехсот лет. Когда-то клад, завернутый либо в кусок кожи или бересты, был задет плугом, и монеты оказались растащенными по куску поля. Увидеть их в пахоте, если не знать, что ищешь, чрезвычайно трудно - приходилось пальцами разминать каждый кусочек земли, нащупывая крохотную монетку. За день ползания на коленях удалось выкопать и собрать примерно тридцать монет. Потом, когда поиски стали вестись по правилам, и были применены металлоискатели, археологи смогли собрать еще девяносто три таких же монеты - но все равно это была лишь часть клада, зарытого на этом поле в шестнадцатом веке неизвестным крестьянином. Что заставило его спрятать нажитые деньги - война ли, опричнина ли, пожар - сегодня уже не догадаться... Остальная часть клада; либо собрана была давно, либо рассыпана где-то по полю и обнаружить ее просто невысказано. Были другие находки - кресты-тельники - неперенные находки на каждом русском пепелище, детали конской упряжи, различные поясные пряжки, пуговички-"гирьки", застежки. Найдено было и с десяток медных и серебряных монеток к кладу не относящихся, ибо были они все другого времени, зато чрезвычайно редкие, удельных князей. Вся эта коллекция, хоть и с большой неохотой была передана археологам, поскольку во

вновь открывшейся экспозиции Государственного исторического музея будет создана витрина, посвященная именно Радонежу. Археологи были рады, но предупредили любителей, что искать все-таки нельзя, и все, что находится в земле - это как бы их собственность, пусть даже пока и не найденная.

Найти клад - счастливый, но вполне возможный случай. Найденный в Радонеже клад составляет сумму, равную примерно тогдашнему рублю. Столько стоила лошадь или корова и столько же брали "государеву оброку" в год со среднего крестьянского хозяйства. Топор обходился крестьянину копеек в 7-10, замок стоил пятак. Пуд ржи в Подмоскovie стоил во времена Грозного около 30 копеек. Англичанин Флетчер, посетивший Москву в конце шестнадцатого века, писал: "Чрезвычайные притеснения, которым подвергаются бедные простолюдины, лишают их вовсе бодрости заниматься своими промыслами, ибо чем кто из них зажиточнее, тем в большей находится опасности не только лишиться своего имущества, но и самой жизни. Если же у кого есть какая собственность, то старается он скрыть ее, сколько может, иногда зарывая в землю и в лесу, как обыкновенно делается при нашествии неприятельском."

До находки в Радонеже на востоке Подмоскovie были официально зафиксированы четыре клада, хотя, конечно, на самом деле их было открыто гораздо больше. От Москвы на Троице-Сергиеву лавру, а затем на Александрову слободу была в четырнадцатом веке проложена первая грунтовая дорога, вдоль которой и селились люди. Здесь, вдоль нее, и были обнаружены клады, и нынешний - не исключение.

Все монеты в кладе оказались четырех чеканов, но одна сторона у них была совершенно одинакова: всадник с саблей. Они были отчеканены после денежной реформы, проведенной в тридцатых годах шестнадцатого века, когда "заповедал князь велики Иван денгам ходить обрезным и велел новыми денгами торговати с копьём". Именно тогда родилась копейная денга или как позже ее стали называть - просто копейка. Монеты же

с изображением всадника с саблей стали называть московками или сабельняцами.

Интересно, что чеканили эти монеты из крупных серебряных талеров, которые делали в Западной Европе. Русь, не имевшая в те времена собственного серебра, покупала талеры в огромных количествах. Считается, что это была важнейшая статья торговли Руси с Западом. Один талер или, как его называли - ефимок, стоил примерно 36 копеек.

Но это был второй клад. А первый был обнаружен точно также случайно примерно метрах в двадцати от монет. Здесь на небольшом пригорке рядом с дорогой над высоким обрывом было собрано около пятидесяти фрагментов средневековых бронзовых наперсных крестов-энколпионов или, по-другому, складней-мощевигов. Эти находки поставили в тупик даже Сергея Чернова, регионального археолога, много лет занимавшегося именно Радонежем. Когда-то на этом пустом поле стояла холодная церковь св. Афанасия "без пения", но сгорела в тридцатых годах семнадцатого века. Кресты могли храниться в ней, тем более, что многие из них несомненно побывали в сильном огне. Но с таким же успехом энколпионы могли быть и в мастерской медника или даже просто в любом крестьянском дворе, так как металл по тем временам представляли большую ценность. Некоторые обломки складывались в целые кресты, но все изломы были старые, иные кресты были с явным литейным браком, но самое главное - среди находок не было ни одного целого.

После долгих научных дискуссий прямо на поле была принята рабочая версия, что негодные и сломавшиеся кресты приносились и как бы сдавались в церковь, возможно, на переработку. Версия основана на решении Стоглавого собора, посчитавшего, что даже сломавшийся крест выкидывать и попирать ногами нельзя.

Однако впоследствии было решено собрание крестов все-таки кладом не считать, а всю радонежскую коллекцию занести в другую графу. В своей статье в журнале "Российская археология" Сергей Чернов доказывает, что скопление

сломанных крестов обусловлено древним полуязыческим обычаем ломать кресты после смерти их владельца и, возможно, бросать ему в могилу или собирать при церкви.

Так или иначе, но находки на поле у Радонежа смогли занять умы археологов на долгое время. Появятся новые статьи и сообщения, появится экспозиция в том или ином музее. Однако кто-то из историков правильно заметил: "музеи - это кладбище находок". В том же Государственном историческом музее скопилось около полутора тысяч кладов, хранящихся в запасниках в деревянных коробках. Их изучают; взвешивают, рассматривают, устанавливают связи между предметами, их географию и т.д. Показать все клады, рассказать их историю, чтобы можно было оценить их разнообразие и богатство, подивиться историческим совпадениям и несуразницам не может себе позволить пока не один музей в мире.

Автору этих записок более интересны обстоятельства находки клада, детали обнаружения и захоронения, чем состав клада и его чисто научное значение. К сожалению, ученые записи об этом почему-то умалчивают. Лишь в старых книгах можно встретить такие строки: "1824 года, мая 25 дня, в день праздника Святого Духа, мещанин Киевский Василий Хащевский, идучи из Киево-Подолы на гору старого Киева тропинкою, прямо к Михайлову монастырю, и взошедши уже по тропинке возле ограды монастыря, наступил на выпуклый, из впадины обнажившийся, красный кирпич, от натиска его проломленный, и увидел, что то был горшок, разломил его крышку и, усмотрев там блистающее серебро, вынул оное в платок. Но, заметив между вещами церковные, немедленно представил сию находку в городскую полицейскую часть к приставу и потом к полицмейстеру, а сей, пересмотрев у себя вещи, и доведя до сведения губернатора препроводил оныя к известному в Киеве М. Ф. Берлинскому, приказав вырыть и самый горшок в коем лежали сии древности".

Или прочесть историю про некоего псковского крестьянина-бедняка, обнаружившего при пахоте облога громадный клад серебряных слитков, за которым он ездил на

лодке аж четыре раза и про алчную помещицу, которая серебро у крестьянина отобрала. Но и бедняк оказался не промах, ибо через год он как-то внезапно разбогател и даже выкупил себя и свою семью у той же, полагавшей, что серебро кончилось, помещицы...

Или узнать, что в 1931 году в музей Вологды поступил клад со следующей запиской: "Сотрудниками моего аппарата в Прилуцком монастыре при рытье ямы найдена фляга синей глины, в которой находится 525 штук серебряной монеты старинной ручной работы. Считаю, что это представляет музейную ценность и передаю на хранение в музей. Начальник оперативного сектора ПП ОГПУ СК т. Тэнис".

Или услышать полный драматизма рассказ одного из московских чердачников: "Мы как-то в Рязань поехали, по старым домам чердаки пробомбить... Ну, нашли недалеко от центра домик старый, трехэтажный. Залезли. И по своим привычкам все самые такие места осмотрели - пусто. А пол на чердаке глиной засыпан. На полу хлам всякий. Уже уходить хотели. И глядь - под ногами блеснуло что-то. Нагибаюсь - батюшки, рубль царский, Николая III! Давай смотреть рядом - еще один! Еще! Тогда взялись за дело всерьез. Чердак расчистили, и каждый кусок глины перекапываем. Собрали на чердаке тридцать одну рублевую монету! Как они там оказались - и почему на всем пространстве чердака примерно на метр одна монета? Вышли мы, обалдевшие, на воздух, сели на лавочку. Монетки рассматриваем. Тут какой-то местный житель подсел, закурить спросил. Разговорились. Мы про дом спрашиваем - что да как. И выяснилось, что дом после войны ремонтировали и чердак глиной утепляли. А глину ту ведрами носили прямо из ямы, неподалеку. Ну и сами того не заметив клад-то на чердак и перетаскали... А где яма была, спрашиваем. А вон там вроде, вон аккуратно, где сортир стоит, видите? Эх, мать-то вашу, перемать! Нашли же место. Так что в Рязани только грибы с глазами - их едят, а они глядят".

В клуб кладоискателей "Раритет" время от времени заносит каких-то совершенно невообразимых личностей, в

полном смысле этого слова свихнувшихся на поиске тех или иных исторических ценностей. Не счесть кладоискателей, потративших многие года на московскую добычу Наполеона, на поиски золотой кареты Степана Разина, на золото Колчака, на библиотеку Ивана Грозного. Ходят странноватого вида мужички, делающие деньги на кладах только лишь тем, что пишут и пишут статьи-компиляции и книги о находках, причем пользуясь одними и теми же источниками и перевирая рад за разом друг дружку. Что особенно интересно - никто из этих книжников ни разу не бывал в экспедиции, поисками не занимался и старинной монеты руках не держал. Помню молодого парня по имени Андрей, который очень эмоционально, помогая себе самой энергичной жестикуляцией, несколько часов подряд объяснял мне, что он доподлинно знает место, где зарыт сундук с "золотой посудой князя Рюрика". Никаких возражений слушать он не хотел: ни того, что князь Рюрик правил вообще-то не в то время, а когда еще я Москвы-то никакой не было, а о золотой посуде он и слышать не слышать, ни того, что место, которое Андрей хотел раскопать, находится прямо посреди одной из самых известных площадей в Москве и копать там никто не позволит. От Клуба Андрей требовал помощи - приборов, экстрасенсов, отбойные молотки и бригаду землекопов...

Потратив на Андрея целый вечер, все-таки удалось убедить его хотя бы отложить свои поиски до весны. Он исчез, но весной появился вновь, еще сильнее размахивающий руками и еще больше взволнованный. Из его слов выходило, что ин таки раскопал это место на площади и до клада ему осталось чуть-чуть, ну может, метр. Нам стало интересно - как это он добрался почти до центра площади, поэтому тут же сели в машину и поехали.

И вот что оказалось - на углу площади стоял реконструируемый дом. Был он, как водится в Москве, обвешан зелеными драными сетками и отгорожен от тротуара и вообще от светливой московской жизни деревянным забором с навесом. Андрей повел нас со двора, где в заборе были

оставлены ворота в самый глухой угол ограждения. Там, прямо в асфальте, прикрытая листом железа, зияла аккуратная, почти круглая дыра. Оказалось, что Андрею каким-то образом удалось договориться с местными строителями, пообещав долю еще ненайденного клада, и те по всем шахтерским правилам продолжили вглубь штольню и повели в указанном Андреем направлении подземный ход. По железной лесенке мы все осторожно спустились под землю. На стене штольни отчетливо выделялись несколько слоев асфальта, потом шла некогда существовавшая здесь булыжная мостовая, затем метра два культурного слоя. В подземный ход даже была проведена проводка с лампочками через каждые три метра! А чтобы было легче дышать, сюда же протянули резиновую трубку от баллона с кислородом, предназначенным для газосварки. На глубине строители сделали площадку, а дальше повели низкий - идти надо было согнувшись в три погибели - и узкий ход. Метров через десять он кончался перед кирпичной стеной какого-то старинного фундамента... По уверениям Андрея именно за этими кирпичами лежала "золотая посуда Рюрика". Завтра сюда придут рабочие, сломают фундамент - и один из самых значительных кладов современности явит себя миру и Андрею в первую очередь. Андрей был в этом уверен.

Спускаться под землю в тоннель никому из нас не хотелось, но следующим утром у дыры собрались почти все - Андрей, рабочие, явно недовольные всеобщим вниманием, и мы, наблюдатели от Клуба. Загромыхал запущенный компрессор, в тоннель протянули толстый шланг отбойного молотка и спустились двое рабочих. Андрей, оставшись на площадке, принимал ведра с битым кирпичом и землей и подавал их наверх. Продолжалось так почти два часа, и ударная работа не прекращалась ни на секунду. Битый кирпич в ведрах сменился песком, потом шлаковой засыпкой, потом опять пошел кирпич и черная земля культурного слоя.

Весь этот процесс стал уже как-то надоедать многочисленным зрителям. Приуныл и Андрей, оказавшись в положении Паниковского, уже понявшего, что гири не золотые,

но продолжавшего повторять "Пилите, Шура, пилите!"... Наконец, один из рабочих решительно вырубил компрессор - кончалась солярка - и в наступившей оглушительной тишине отчетливо раздался мат, ползших из тоннеля работяг.

Чем и как закончилось это дело, мы так и не узнали, но в груди вынесенной из раскопа земли кто-то из наших углядел маленькую, размером с советские две копейки, серебряную монетку, оказавшуюся впоследствии гривенником Екатерины Великой и сохранившуюся к тому же в отличном состоянии...

Поэтому полностью неудачных экспедиций практически не бывает.

Однако чаще всего находки не оправдывают потраченных на поиски времени, усилий, денег. Однажды поздней осенью я выехал в дальний район Подмосковья для проверки нескольких, как мне казалось тогда, весьма перспективных пахотных полей. Траву скосили, ходить было удобно, и погода с утра обещала быть солнечной. Меня привезли к кромке поля, машина развернулась и уехала с обещанием вернуться за мной вечером, а я остался. Ровно через десять минут после того, как машина скрылась небо затянули тучи, пошел дождь, а затем и мокрый снег. Деться было решительно некуда - я стоял в чистом поле, вдалеке чернел лес, и ближе десяти километров в округе никакого жилья не было.

Оставалось одно - продолжать поиски. Натянув на металлоискатель полиэтиленовый мешок и застегнувшись на все пуговицы, я упрямо шагал по полю, обшаривая квадрат за квадратом. Когда на повороте показалась машина, идти я уже почти не мог. Относительно сухим оставался только детектор, да я тот охрип. Последние пятьдесят метров дались мне тяжелее, чем все остальное. К тому сегодня я ничего не нашел - в кармане звякало лишь несколько стертых медяков. И лишь на последних метрах детектор пискнул вдруг настолько определенно, что я встал как вкопанный. И с первой же лопатой из комка размокшей глины выскользнул блестящий кружок с четко различимым профилем царицы .

Существует стойкая примета - если тебе повезло на

первых минутах поиска, то в дальнейшем следует ждать неудач. И напротив - самые ценные находки отыскиваются именно после долгих и долгих поисков, когда уже теряешь всякие надежды. Сколько раз, найдя на первых метрах что-то хорошее, что можно положить в особое отделение кармана, с тоской думаешь о том, что теперь придется откапывать бесчисленные бутылочные пробки, куски проволоки и подобные современные предметы, ибо пока ни один металлоискатель в мире не способен выделить и исключить из поисковой гаммы металлов алюминий. Я лишь один раз в жизни порадовался алюминиевому предмету, выкопанному из под земли. Это была юбилейный на трехсотлетие дома Романовых жетон, сделанный в 1913 году из редкого, только что появившегося тогда металла.

При поиске в больших городах, на пустырях, на набережных, во дворах металлоискатели практически бесполезны, ибо культурный слой, доступный вихрям электрического тока в несколько слоев замусорен ржавым железом, консервными банками, пробками от бутылок и прочим металлическим мусором, который напрочь отобьет еле слышный "полезный" сигнал аппарата.

Нам часто приходится работать с детекторами металла на местах старых деревень, средневековых селищ, больших сражений прошлых веков, на которых человеком до сих пор ведется какая-то хозяйственная деятельность. В итоге - старые запчасти, обломки чугунной посуды, строительный мусор, консервные банки, настолько мешает поискам, что иной раз опускаются руки. Но я знаю случай, когда серебряный елизаветинский рубль металлоискатель Whites точно определил в земле, несмотря на то, что монета лежала бок о бок со снарядом времен второй мировой войны.

Одно из раннесредневековых городищ было полностью перекрыто слоем девятнадцатого-двадцатого веков. Прямо на самом городище когда-то встала помещичья усадьба, в которой после революции располагался детский дом, потом все это дело дотла сгорело... Несколько раз там вели раскопки

археологи, так что найти что-то особенное мы и не рассчитывали. Во всяком случае, первая же находка повергла всех в изумление - это была медаль "Материнская слава" послевоенного образца. Следующая находка - монетка в два пфеннига 1867 года... Еще одна ямка - памятный жетон в честь коронавания Александра III...

Мы так и не нашли ничего древнего на том городище. Зато поиски привлекли внимание жителей близлежащей деревеньки и вскоре мы уже знакомимся с находками, которые селяне сделали на картофельных полях вокруг городища. Там были такие вещи!

Серебряные браслеты, очень редкие подвески-амулеты, домонгольские кресты-энколпионы, узорные перстни, удельные монетки-чешуйки. В маленькой речушке, огибавшей как деревню, так и городище, несколько лет назад двое местных мужиков приспособились черпать решетами ил и песок со дна, и достали оттуда - боевые топоры, серебряную чашу, наконечники стрел и сулиц, обрывки кольчуг. Куда это делось - неизвестно, поскольку этих мужиков в деревне на тот момент не оказалось.

Как показала практика очень, многое из того, чтобы спрятано в прошлые века было найдено случайно местными крестьянами, пахарями, лесорубами, углежогами и продано куда-то на сторону. Не меньше отыскано разного рода дикими кладоискателями, которых во все времена хватало. Под Звенигородом на поляну в лесу, где до семнадцатого века стояла церковь, жили люди, какой-то местный тракторист загнал бульдозер и перевернул поляну в буквальном смысле вверх дном, обнажив древние могилы, вывернув наружу кости, могильные плиты, обломки колод- домовин. Уж не знаю, что он собирался найти, какие сокровища, без тщательных послойных раскопок или инструментальных разведок, но поляну кладоискатель попросту разгромил.

В Тверской области, в глухом лесу на берегу реки Мологи стоит огромный курган, окруженный несколькими курганами поменьше. Большой курган копали и копают - это я

выяснил точно - начиная с прошлого века. Что выкопали - непонятно, но ям на кургане и сверху, и сбоку, и траншеей, и колодезем, с каждым годом только прибавляется.

В Саратовской губернии местные археологи попросту продали еще не выкопанный клад серебряных восточных монет американцам, которые чем-то у них в городе занимались по контракту с местной администрацией. Американцы привезли свое оборудование и за несколько дней собрали весь клад, состоявший из более чем двух тысяч монет. Их задержали на таможне, и вся история всплыла наружу.

Во Владимирской области на раскопки, которые уже много лет вела местная археологическая экспедиция, приехали ранней весной кладоискатели. Определились на постой в ближайшую деревню и каждый день ездили на поиски. В результате за несколько дней порушили все, что смогли сделать ученые за несколько лет планомерных раскопок. И только отбыли восвосяси - приехали настоящие археологи... Ужаснулись содеянному и вызвали милицию. Кто-то из местных запомнил номер машины. По номеру кладоискателей и нашли.

Большая часть находок продается частным коллекционерам. Древнерусская мелкая пластика, монеты, женские и мужские украшения, боевые и рабочие топоры, наконечники стрел и копий, даже подковы, инструменты, керамические сосуды - все это достаточно быстро находит своих владельцев. Ежевесенне, едва сойдет с полей снег, из Москвы выезжает не меньше десятка групп, по два-три человека в каждой. Все они хорошо оснащены, места для поисков вычислены еще зимой, машины у всех внедорожники, поэтому если что и лежит в земле, то ребята доберутся до этого обязательно. Но...

Несмотря на иные кладоискательские байки, больших денег это занятие не приносит. Хорошо если хотя бы на жизнь хватает. Зато лишений, труда, глотания архивной пыли бывает много больше. В 1998 уже накануне зимы году мы вдвоем приехали в большое село недалеко от Сергиева посада. Крутой косогор, который мы вознамерились обследовать, продувался

холоднющим ветром со всех сторон. С неба падало что-то, напомилавшее и снег и дождь и град одновременно. Уже через полчаса захотелось куда-то спрятаться. Единственным укрытием был громадный сенной сарай метрах в двухстах от места поисков. Туда мы и пошли. Оказалось, что все это время из сарая за нами наблюдала веселая компания из двух старух и одного бодрого дедка в большущей седой бороде. Немедленно завязался весьма любопытный и полезный разговор о цели наших поисков. Были помянуты какие-то могилы староверов, какая-то барыня, жившая неподалеку и, конечно, некие бочки с золотом, сброшенные с крутогора в местный почти целиком заросший пруд. Но...

- Да я в своем огороде топор нашел, огромный такой, - вдруг сказал дедок. - И еще какие-то бляшки вроде медные.

- И где топор-то?

- А в сарае лежит...

Топор, несомненно, требовал хотя бы беглого взгляда, и впятером мы отправились в деревню. Дедок простился со старухами и открыл нам скрипучую дверь сарая. И первое, что мы увидели - был толстый инкрустированный малахитом ствол старинного напольного канделябра, а за ним удерживала серую от пыли дощатую стену вросшая на треть в землю бронзовая рама огромного салонного зеркала...

- А это чего?

- Не, ребята, это не отдам. - сразу же твердо заявил дедок. - Они у меня весь сарай держат, без них он сразу завалится. Это еще из барского дома, он вон там стоял. - и махнул рукой куда-то в сторону.

А мы оба во все глаза смотрели на драгоценную колонну канделябра, стоявшую, наверно, столько же сколько вся крестьянская усадьба с прилегающими к ней сенокосными, огородными и полевыми угодьями, весьма недешевыми в этом районе Подмосковья. Дед нас в сарай - хотя бы разглядеть подробнее - так и не пустил, отказавшись от предложения заново построить сарай, поменять венцы у дома и вообще - может и машину купить хоть самому деду, хоть сыну его, хоть

внуку. Спустя полтора года я снова увидел тот же канделябр, занимавший почетное место в самом дорогом антикварном салоне Москвы.

И сколько было таких - или похожих - случаев! Я помню оборотистого мужичка в ватнике в одной ярославской деревне, предложившим мне купить "цельный мешок" старинных рукописных книг. А денег-то у меня как раз не случилось. Помню московскую старушку, которая в молодости после войны копая вместе с телефонной бригадой какую-то канаву, натолкнулась на заваленный погреб, где хранились запасы одного из дореволюционных ресторанов. Там были, по ее словам, посуда и утварь, столовые приборы и скатерти, граммофон и пластинки к нему.

Несколько дней мы искали вместе со старушкой это место, пока не обнаружили, что на месте того подвала стоит обычнейшая трансформаторная будка, возле которой не только копать из-за обилия силовых кабелей, но и просто ходить было страшно.

Помню разнесенную буквально на кусочки кирпичную часовню, в которой за два дня до того в замурованной стенной нише были найдены церковные потир и дарохранительница. Нашедший их в тот же день напился пьян, рассказал собутыльникам, те еще кому-то - и в итоге к утру деревня обнаружила, что часовня, которую около двухсот лет назад построили предки нынешних сельчан, неизвестные будто бы никому люди аккуратно разобрали по кирпичику.

То есть случайные находки чаще всего приводят к непредвиденным последствиям. После того как в подмосковном Пушкине играющие в развалинах старой больницы дети нашли сверток с золотыми николаевскими монетами и показали их взрослым, разыгралась целая детективная история с вмешательством сначала милиции, а потом суда и прокуратуры. Весь клад собрать так и не удалось, и кое-кому пришлось пережить весьма серьезные неприятности, связанные с неожиданным богатством.

Глава пятая

Нам часто приходится отвечать на вопросы куда лучше деть находку. Сдать ли государству, оставить ли себе, попытаться ли продать. Вот типичная история наших дней...

...В конце восемнадцатого века во время русско-турецкой войны, турецкий небольшой военный корабль зашел в реку Кубань с целью набега на казачьи станицы. Случай этот вполне достоверный - есть множество документов той эпохи: рапортов, свидетельств очевидцев, мемуаров. Корабль в реку зашел - но обратно не вышел. То ли сам утонул, то ли потопили его казаки пушечным огнем с берегов, то ли сел корабль на мель, а турки уплыли на лодочках - неясно. Местное начальство того времени все заслуги в военно-речной победе приписывало себе. То место, где корабль остался примерно известно - рассказы о нем переходили из поколения в поколение.

И на каком-то этапе эти сведения просочились как раз к тем людям, кому они были необходимы. Начались поиски. Дело осложнилось тем, что Кубань в двадцатом веке изменила русло и корабль оказался лежащим довольно далеко от нынешнего берега в пахотном поле прямо под проселочной дорогой. Лежит он на глубине примерно десять метров, а на его борту согласно легендам покоится несколько тонн награбленного золота...

Таковы все без исключения легенды. Золото там меряют не иначе, чем бочками, бриллианты - сундуками.

Но впечатление все это тем не менее производит... Именно поэтому поисками затонувшего корабля уже несколько лет занимается группа московских добровольцев. По их уверениям они это место после нескольких лет исследований вычислили довольно точно. По крайней мере, результаты приборной разведки упорно показывали два места залегания достаточно большой массы металла. Лежит этот металл глубоко, просто так не выкопаешь. Нужен небольшой экскаватор, нужно разрешение местной власти. Когда ребята пришли к председателю колхоза, тот копать на своем поле не

позволил, хотя и было ему обещано половина от найденного. Всякие подобные закавыки часто ставят в тупик даже самых искушённых поисковиков.

Разыскивая клад "серебра Батаяв, мы решили идти самым обычным и прямым путем - обратились за разрешением к властям. Причем научным руководителем в предполагаемой экспедиции был доктор исторических наук, известный археолог, которому тоже было любопытно проверить достоверность древних легенд, а руководителем - не менее известный исследователь и путешественник. Мы просили всего лишь обследовать дно озера и, если там есть что-нибудь интересное для археологов и историков, то поднять это "что-то" на поверхность и торжественно передать в музей. Мы обязались выполнять все требования экологических инстанций, приглашали в экспедицию местных археологов...

Безрезультатно. Ответ был один - получите Открытый лист и тогда можете начинать. Открытый лист - это разрешение на раскопки, которое выдается Институтом археологии РАН и которое самостоятельной, пусть и официально зарегистрированной организации да к тому же носящей название "Клуб кладоискателей" никто никогда не выдаст.

Мы не собирались наносить ущерба экологии, мы не собирались, затрагивать чьи-либо научные интересы. Все работы проходили бы под руководством уважаемых ученых. Нам просто хотелось разгадать одну из тысяч исторических тайн.

Обнаружив клад монет Ивана Грозного, мы даже не стали выкапывать его - просто поняли, что он тут, под ногами и позвонили археологам, которые, прибыв на место и убедившись, что клад - вот он, первым делом предупредили нас об ответственности за незаконные раскопки, хотя именно раскопок мы как раз и не вели.

Перечень взаимных обид можно длить сколь угодно долго, причем список этот увеличивается в размерах что ни день. Не так давно двое молодых поисковиков, проезжая мимо радонежской церкви, заметили, что кто-то вскопал под огород небольшую делянку там, где до этого был непотревоженный

участок. Вышли из машины и с металлоискателем пошли обследовать борозды. Но через полчаса поиски (медная монета, обломок перстня) пришлось прервать. На дороге остановилась милицейская машина, оттуда выскочили бравые ребята с автоматами и положили кладоискателей в траву.

Как выяснилось, неподалеку для своей экспедиции снимали дом археологи. Они собирались где-то заложить раскоп. Ребят заметили, позвонили "куда следует". Все закончилось протоколом и небольшим штрафом. Все-таки историко-ландшафтный заповедник, археологический памятник, "охраняется государством". Ребята молодые, растерялись, сказать что-либо в свое оправдание не сумели. Можно было обойтись и без милиции. Подойти к ребятам, поговорить, объяснить. Даже попросить помощи. Никто бы не отказал археологам. Зато теперь скорей всего и откажут. И, наверное, будут правы.

В 1999 году в Москве было продано не менее тысячи металлоискателей разных моделей. Будем считать, что половина ушла в другие республики. Но половина активно начала работать в России, что создает археологам и властям массу проблем.

Однако можно взглянуть на все происходящее иначе. По моему глубокому убеждению, мы столкнулись всего-навсего с новой формой краеведения. А о краеведении стоит поговорить отдельно.

...Город Кимры Тверской губернии лежит всего в двух с половиной часах автомобильной езды от Москвы, и все-таки выглядит глубокой провинцией. Цены здесь вполне московские, но денег у "населения" много меньше, и хотя все быстро привыкли к десяти сортам колбасы и шести сортам мяса в местном магазине, покупают это изобилие довольно редко.

Сам городок старый, центральные улицы сохранили свой неповторимый облик, окраины же стандартны и безлики. Словом, как везде.

Однако мы приехали в Кимры лишь для того, чтобы побывать у старого местного "краеведа", всю свою жизнь

собиравшего старинные вещи, а теперь по недостатку средств постепенно распродающего свои коллекции.

Случай, без сомнения, был запущенный и тяжелый. Вся жизнь трехкомнатной квартиры в небольшой серой пятиэтажке была посвящена Коллекции и только ей. Хозяин Коллекции, белоголовый старик, в прошлом партработник, звание краеведа носил с гордостью, писал об истории края в местные газеты - и собирал, собирал и собирал любые старинные вещицы, которые теперь были у него всюду: в комнатах и на балконе, в туалете и кухне, в шкафах и на полу, на полках и в сундуках, а также баночках, коробочках, шкатулочках, связках и конвертах. Сказать, чего не было у коллекционера не представляется возможным. У него было все! Старинные и просто старые: книги, журналы, газеты, фотографии, плакаты, документы, значки, медали, марки, конверты, приглашения, монеты, кресты, иконы, посуда, грампластинки, инструменты, утварь, открытки, стекло, фарфор, медное литье, деревянная скульптура, поддужные, дверные, настольные колокольчики - и все-таки я наверное с пяток "позиций" я просто забыл.

Было все этом что-то очень знакомое, гоголевское, но было и что-то привлекательное, завораживающее. Между тем хозяин, показывая свои сокровища, и сам то и дело забывал, где у него что, залезал в шкаф за забытой вещью, и, обнаружив другую, тут же осведомлялся - не нужно ли? Впечатление он производил сильное, и каждый из присутствующих в квартире московских коллекционеров волей-неволей прикидывал свое будущее...

Одного у него нельзя было отнять: русскую историю, историю Тверского приволжского края с древнейших времен он знал отлично и мог рассказать, откуда и как попала к нему та или иная вещь.

При всем при том специализировался же старый краевед, на мой взгляд, делом весьма полезным, хотя и мало кому в нынешнее время потребным: историей и родословными кимрских крестьянских семей, прослеживая фамилии, места жительства, занятия, сплетения судеб, начиная с актов времен

Ивана Грозного. Зачем он это делал, объяснить бы не смог никто, в том числе и сами потомки тех русских крестьян, имена которых были упомянуты в бумагах изначального времени.

Потомков прошлое интересовало мало, и потому они охотно отдавали краеведу старые бумаги - письма, фотографии, документы умерших родственников - когда просто так, когда за бутылку. Память у русских коротка, это ныне известно всем. Редко кто знает, кем был его прадед, и сколько детей было у его прабабки. Но ведь были и такие, кто и сам, заинтересовавшись вдруг, стал собирать крохи сведений о собственных предках, и мало того - рассказывать детям и даже записывать в тетрадки собственные родословные.

В Кимрах, как и почти в каждом районном центре, существует краеведческий музей с несколькими штатными единицами. Однако нам долго не удавалось музей отыскать - из десяти спрошенных прохожих десять не знали вообще, что такой музей существует, а тем более сказать, где он находится. В такие музеи водят экскурсии школьников начальных классов, показывая им бивни мамонта, рассказывают о знаменитых земляках (как правило революционных деятелях, реже - героях войны), знакомят с изделиями местной промышленности. Полезные сведения забываются через несколько минут после выхода детей на свежий воздух.

...В последнее время на московском вернисаже в Измайлове появилось на лотках холодных антикваров-любителей великое множество бывших экспонатов из музеев небольших украинских городков. С некоторых были даже не содраны бумажные инвентарные номерки. До российских музеев эта волна если еще и не дошла, то вскоре дойдет непременно. Покупатели на такие вещицы находятся быстро. Однако покупателю требуется знать доскональную историю "экспоната". Если это наконечник стрелы, боевой топор или навершие рогатины - так откуда именно, какого времени когда и кто нашел. Причем чаще всего покупатель гораздо лучше разбирается в овеществленной русской истории, чем сам продавец.

Покупатели - истовые коллекционеры, и эти люди так просто любую вещицу из своей коллекции не отдадут и на рынок ее понесут лишь в случае очень большой нужды. Эти коллекции, кстати, могут видеть гораздо больше людей, чем в музеях, и к тому же получить самый подробный и точный рассказ о любом предмете.

В запасниках больших и малых музеев страны хранится огромное количество предметов, которые никогда не будут выставлены в основной экспозиции, но которые представляют собой мечту многих коллекционеров. Где-то в подвалах здания Государственного исторического музея хранится в деревянных ящиках более полутысячи кладов, преимущественно монетных. Их давным-давно изучили, описали, взвесили и сосчитали специалисты. Наиболее редкие монеты отобраны в особые собрания. На этом научная работа заканчивается, и монеты попросту хранятся, возвратясь в первобытное состояние клада и став достоянием государства. Теперь ценность они имеют только для любителей древностей, которых, я замечал, становится все больше. Это монеты, самый предпочитаемый предмет коллекционирования.

Однако я сейчас постараюсь вспомнить тех своих знакомых, которые собирают что-то другое. Итак: мундирные и форменные пуговицы и знаки отличия царской и советской России. Старинное стекло - бутылки, пузырьки, флаконы. Церковное медное литье - кресты, складни, образки. Изразцы. Дверные, поддужные и настольные колокольчики. Древнее оружие. Старинное холодное и старинное огнестрельное оружие. Подсвечники. Фарфор. Домашняя бронза. Живопись разная (всю собирать невозможно). Серебро. Крестьянские и ремесленные инструменты. Награды. И прочая, прочая, прочая.

История не может оставаться только на словах. Учебники, хрестоматии, объяснения учителей так и останутся для наших детей пустыми словами, если доказательства того, что эта история - князья, войны, древняя Русь - действительно существовала, прячутся от них за музейным стеклом.

Несколько раз я выезжал с детьми, своими и чужими,

как они говорят "на поиски кладов". На самом деле, это были обычные приборные археологические разведки на местах средневековых русских селищ, которые из года в год распахиваются. У настоящих археологов до этих мест руки в обозримом будущем вряд ли дойдут, а скорее всего эти поляны и пустоши вскоре попросту в Подмоскovie исчезнут начисто - слишком уж тут усердно строят. Да и не интересуют археологов и историков те немногочисленные и бедные находки. Ну что там можно найти - медные монеты, крест нательный, да крестьянскую пуговицу-гирьку...

Но это археологи. Детей же эти свидетельства прошлого интересуют необыкновенно. И не только детей. Взрослые увлекаются тоже и потом отбоя нет от просьб повторить поиски и поехать куда-нибудь еще. Каждому хочется непременно поддержать находку, потереть о рукав, рассмотреть со всех сторон.

Однако мало кто соображает, что мы по сути дела занимаемся противозаконным делом и в принципе можем понести наказание. Любые несанкционированные раскопки и поиски утерянных или сокрытых ценностей на территории археологических памятников, к которым относятся и места исчезнувших поселений запрещены. Зато почему-то на этих местах можно строить особняки, устраивать карьеры, прокладывать дороги и вообще вести какую-то хозяйственную деятельность. Российская археологическая наука непоколебимо считает все, что покоится в русской земле своей собственностью и любые попытки любительских поисков воспринимает в штыки.

В 1997 на пахотном поле мною были найдены два клада. Собственно, точнее я просто обнаружил места на поле, где эти клады лежат, после чего немедленно сообщил об этом археологам. Те приехали сразу же, и первым делом я был предупрежден, что совершил я нечто плохое, преследуемое по закону. Найдя что-нибудь в следующий раз - а я найду обязательно - мне придется двадцать раз подумать стоит ли сообщать о находках властям.

Оба "моих" клада сегодня уже изучены, по результатам обследования написаны статьи, и как таковые они уже никому не нужны, занимая место где-нибудь на полках запасников музея. Вряд ли кто-нибудь из людей посторонних их теперь увидит, поскольку сами крохотные русские монетки Ивана Грозного и собрание наперсных крестов практической ценности почти не имеют. Но лично для меня имеют - и большую.

Почти каждый российский музей сегодня нищ. Нет денег на зарплату сотрудников, нет денег на охрану, на ремонт, и тем более нету для покупки новых экспонатов. В то же время музеи полны второ- и третьестепенными случайными вещами, научного и художественного значения не имеющего, но представляющих огромный интерес для частных коллекционеров.

Наверное, для многих это звучит кощунственно, но почему бы тому же музею не организовать выставку-продажу подобных раритетов или не устроить аукцион? В частной коллекции любая вещь займет достойное место, а продажу можно оговорить условием, что музей имеет право выкупа своего бывшего экспоната и во всяком случае иметь доступ к нему для научной работы.

Все это вполне реально. Нельзя касаться, конечно, предметов имеющих государственное значение, являющихся художественными или историческими памятниками страны. А все остальное...

Курганные славянские древности, во множестве найденные археологами за много лет раскопок. Практически все они одинаковы, но курганы продолжают копать. Дубликаты нумизматических коллекций. Образцы стекла, кузнечной работы восемнадцатого-девятнадцатого веков. Изразцы. Фарфор, милые сердцу домашние забавные безделушки, которыми были полны покои дворянских семей еще в прошлом веке. Список коллекций можно прочесть в начале этих заметок.

Возможность криминального обращения и вывоза за границу, разумеется, есть, но если бы кто-нибудь знал, откуда, какими каналами идет пополнение частных коллекций сегодня!

И справиться с этим явлением, когда в музеях не платят зарплату годами, практически невозможно.

И как ни кощунственно это звучит, продажа музеями своих маловажных предметов из запасников, во многом пошла бы на пользу - и самим ученым, и российской истории, и людям, которые эту историю сохраняют для потомков.

Археологи ныне чрезвычайно злы на любителей. Уже несколько раз появлялись в разных газетах статьи, рисующих поисковиков в крайне черных тонах. Пишут о незаконных раскопках в Крыму, на Тамани, о разграблении уцелевших курганов. Спору нет, вред гробокопателями наносится большой - особенно теми, кто ищет что-то древнее для собственной наживы. Но связано это лишь с общим резким обнищанием страны, и судорожными поисками людей любыми способами заработать на жизнь.

Однако девяносто процентов любителей занимаются приборными поисками в пахотных перемешанных горизонтах тысяч и тысяч древнерусских селищ, на местах исчезнувших деревень, сожженных барских усадеб - то есть в тех местах, куда археологи доберутся не скоро. Следует помнить, что самый лучший металлоискатель "берет" на глубину не превышающую тридцати-сорока сантиметров, и значит все, что лежит глубже, будет ждать следующих исследователей. Да, у нас случаются музейные, если можно так выразиться, находки. И никто не против, если с ними будет проводиться какая-то научная работа. Пусть их измеряют, фотографируют, зарисовывают. Вряд ли для написания ученой статьи необходимо иметь все время перед глазами описываемую находку. Ученым охотно объяснят, где именно, на какой глубине лежал этот предмет. Условие одно - не отбирать, не угрожать, не давить силой закона и учёным авторитетом. Иначе десятки и десятки находок просто-напросто пройдут мимо... Правда, мне уже сейчас стали встречаться в научных публикациях фотографии образцов мелкой пластики с подписями "из частного собрания".

Надо сказать, что трудно представить себе "кладоис-

кателя" - не коллекционера. Большинство все же нумизматы. Оно и понятно. В иной счастливый день на хорошем месте можно найти до пятидесяти-ста монет без всяких кладов. Примерно на пятьдесят медных монет попадает одна-две серебряных. Из меди чаще всего попадаются полушки и деньги времен Анны Иоанновны. Эти монеты, по-моему, можно встретить и на Северном полюсе. Затем - по частоте - двухкопеечники Николая Первого. Затем - павловская медь. Затем - "российская медная монета". Нумизматы знают, о чем я говорю.

Находки серебряных рублей, полтин вне кладов - крайне редки. Мне самому-то попало два раза по рублю, Александра I и николаевский и несколько полтин и полуполтинников.

Другие собирают археологию. То есть, например, украшения вятичей. Или наконечники стрел. Некоторые коллекционируют ту же мелкую пластику. Кресты, иконки, образки. Есть коллекции крестьянской "бижутерии", бубенчиков, кузнечных и плотницких инструментов. Урону исторической науке все эти люди вряд ли смогут нанести. Наоборот - за свой счет издают каталоги, описания, систематизации находок... Иные уже и сами консультируют историков.

Но получается странная картина - отчего-то все время приходится оправдываться, заранее принимая сторону официальной науки. А дело как раз в том, что оправдываться нам не в чем.

И быстро растущее увлечение любительским поиском - лучшее подтверждение. Добираясь куда-нибудь к черту на рога, через буераки, ручьи, разбитые мосты, и увидев вдруг чужие ямки, первое время трудно не дать волю чувствам. Развелось, мол, сколько!

Кое-кто ищет только сокровища. Появлялся у нас забавный такой мужичок из Белоруссии по имени Леня. Он, якобы, как-то нашел в лесу кусок золота в несколько килограммов весом. Обломок чего-то. С драгоценными камнями, с какими узорами - по его словам. Продал, купил квартиру однокомнатную и дачку... Но свихнулся на кладоискательстве,

как сейчас говорят, "конкретно". Ходит по полям, что-то роет. Ничего больше он не нашел, однако, информации о сокровищах отступавшей через его края французской армии, собрал немерено.

Есть человек под Смоленском, тоже положивший полжизни на поиски французских сокровищ, отыскавший между делом два настоящих русских клада - и оба довольно ценных. Однако сам он при упоминании о них морщится - ему нужен обоз маршала Даву.

В Омске сразу несколько групп ходят по следу "золотых подвод" Колчака, обшаривая целые таежные массивы. Маршрут "золотого эшелона" хорошо известен еще с тридцатых годов, когда поисками занимался НКВД, но где именно часть золота была оставлена, еще никому не удалось вычислить.

Знаю, что в Сибири до сих пор пытаются найти "Золотую бабу" поисковые группы из Красноярска. На Сахалине посреди города Холмска уже год стоит разрытая яма - результат экспедиции из Москвы, финансируемой местным бизнесменом, уверенным, что где-то здесь лежит японское золото, не вывезенное с острова.

Клады ищут по всей России - и, кстати, о большинстве находок мы уже никогда не узнаем.

Эту книгу можно было писать очень долго, ибо каждый новый сезон приносит все новые и новые находки. Разные люди, разные обстоятельства поисков. Однако о трех последних экспедициях, как о самых, пожалуй, характерных, не рассказать невозможно - и уже тогда ставить, наконец-то, точку.

Разинские казаки свои походы-набеги на владения персидского шаха называли между собой кратко и понятно - "за зипунами". Прибарахлиться, то есть, особенно, когда обносились.

Никто из пятерых собравшихся в обычный субботне-воскресный выезд на поиски сгоревшей некогда водяной мельницы во Владимирскую область и не подозревал, что едут

на самом деле "за пятаками".

Однако получилось все именно так. Мельницы, конечно, не отыскиали. Поиск монет на бывших мельницах бывает иной раз особенно результативен. Испокон веку мельницы служили местным мужикам чем-то вроде общедоступных клубов. Зимой туда съезжались хозяева из окрестных деревень - молоть зерно прошлого урожая. Стояли на саях в очереди, вели нескончаемые разговоры, никуда не спешили, и старались остаться ночевать. Когда в селах появились казенные "монопошки" посылали за вином, И так год за годом, а иногда век за веком.

Мельницы обычно в деревнях помнят - где они стояли. Однако чаще всего эти места оказываются заросшими крапивой, бурьяном, кустами и потому недоступны для поиска. На этот раз ее просто не нашли.

Однако прямо с дороги увидели вдалеке стоящий в чистом поле остов церкви. Означать это могло одно - вокруг некогда существовала деревня. Такие места всегда привлекают, тем более в бинокль удалось разглядеть, что вокруг церкви - пахотное поле. Но увидеть - одно, а доехать - другое. Свернули с асфальта на грунтовку, повернули еще разок и церковь стала ближе. Дорогу перегородил вялотекущий ручей, однако опыт преодоления таких препятствий был: быстро соорудили из земли, камней и палок временную, колею и, пока вода ее не размыва, быстро проскочили на ту сторону. При таком способе есть только одна опасность. Может пойти внезапный сильный дождь и тогда "на той стороне" можно застрять надолго.

Как бы там ни было, но к церкви все-таки пробились и остановились на недавно скошенном ржаном поле. Сколько хватало глазу - сквозь стерню были видны битые кирпичи, обломки глиняной посуды, ржавые железки. Деревня была покинута не очень давно, последний дом разобран от силы десять лет тому назад, а значит современного мусора осталось после нее немало. Но церковь, судя по архитектуре, относилась к царствованию Николая I, то есть деревня была старше ее минимум на полвека. И значит поиск здесь, хотя бы и

затрудненный, должен был теоретически что-то да принести.

Тем не менее, особых результатов от этой деревни никто не ждал. И зря.

Через несколько минут на скошенном поле кружили сосредоточенные фигуры в характерной позе. Металлоискатели в этой компании были представлены самые разные - от подводного Фишера до суперсовременного Эксплорера, однако роднило поисковиков другое - напряженное вслушивание в звук своего прибора. А вдруг!

Но повезло, конечно, только одному.

Он с самого начала заметил большое черное пятно среди рыжей недавней пашни через овраг от остова церкви. И, предоставив остальным стерню, отправился туда.

Собственно, тем самым он уже нашел клад. Несколько шагов по пахоте - пятак, еще один, россыпь, а дальше прибор зашкалило. Тогда он не сдержался и заорал через все поле сторбленным унылым фигурам на стерне, чтобы все бросали и шли к нему...

Ну и началось. Скоро пятаки перестали помещаться в карманы и для них принесли вынутые из машин резиновые коврики. Рядом с горкой монет с удовольствием фотографировались. Образовалось несколько довольно глубоких ям, в которых пятаки лежали особенно густо, но со дна все звенело и звенело. Собрать больше пятидесяти килограммов чистой меди (тогдашняя монетная стопа - 40 рублей из пуда меди).

Для большинства собравшихся это был первый клад, поэтому разговоры о нем, а также отмывания, разглядывания и классификация монет займет едва ли не всю зиму.

А состав клада таков: 1758 -12 штук, 1759 - 4, 60- 5, 61 - 4, 62 - 2 (Елизаветы), 63 - 24, 64 - 20, 65 - 15, 66 - 23, 67 - 24, 68 - 19, 69 - 24, 70 - 37, 71 - 21, 72- 20, 73 - 12, 74 - 4, 75 - 15, 76 - 28, 77 - 11, 78 - 9, 79 - 17, 80 - 16, 81 - 20, 82 - 13, 83 - 16, 84 - 20, 85 - 20, 86 - 12, 87 - 2, 88 - 38, 89 - 35, 90 - 22, 91 - 23, 92 - 16, 93 - 20, 94 - 8, 95 - 8, 96 - 20. Монетные дворы представлены во всем разнообразии, кроме Таврического. Клад был помещен в широкогорлый черноглиняный сосуд, завязанный очевидно

куском ткани или дерюгой. Обломки горшка удалось собрать и почти весь его склеить.

Облик владельца клада, обстоятельства закладки и все остальное каждый может представить себе сам, в меру своего воображения.

Но самый поразительный случай, связанный с находкой клада, - из самых последних - произошел осенью 2000 года, причем в нем так или иначе участниками оказались большинство самых активных членов клуба...

Началось все с бензоколонки. Пока мы там ждали своей очереди, пристроился за нами старик в длинном брезентовом плаще на старом, дышащем на ладан мотоцикле. Вышло так, что разговорились: дед явно был местным, а случаев поговорить со старожилками упускать не рекомендуется. Старик ничуть не удивился нашим вопросам, и, похоже, даже был рад рассказать "про старину". Барские имения? А как же были... Вот сейчас километров пять по этой дороге, потом будет поворот, и по грейдеру почти до конца. Там опять повернуть, по грунтовке и увидите посреди поля дубовую рощу...

Ну мы и поехали. Огромные дубы увидели издали, почти неезженная колея дороги подвела нашу машину под самый крайний из них, когда-то пополам разваленный молнией. Рядом расположился затянутый илом и ряской небольшой пруд, окруженный высокими камышами, за ним - когда-то распаханное, а теперь тоже заросшее бурьяном поле. Обычный пейзаж, уже и примелькавшийся взгляду.

Но когда-то место было жилое. Это мы поняли сразу, едва вылезли из машины. Битый кирпич, осколки горшков, в траве мелькнуло донышко фарфоровой тарелки. Искать, в общем, можно. И нужно. Первая находка - павловский двухкопеечник - лежала в трех метрах от колеса машины. Металлического мусору в земле здесь хватало, а мест для поясков пригодных - нет. Сама дорога, да несколько проплешин среди высохшей до деревянной твердости некошенной августовской травы - вот, собственно, и все. Не было, правда, ни пробок, ни фольги, ни алюминиевых ложек: деревня захирела до того, как

они появились. Попадалась "медная российская монета", пряжки и колечки все той же неперменной конской упряжи, мой напарник откопал кусочек серебряной крестьянской сережки. Хоть что-то! В тот день мы много ездили, отыскивая то одно вроде бы известное нам перспективное место, то другое - и, в итоге не найдя ни одного, как то приуныли, ибо с абсолютно пустыми руками возвращаться не хотелось. Да и не было такого ни разу. Так и что копеечке николаевской обрадуешься. И деньге с полушкой тоже.

В общем, кружим, копаем время от времени ямки. Друг от друга довольно далеко, но мой крик был услышан тотчас же...

Я вообще не раз наблюдал за эмоциями тех, кто сделал ценнейшую находку. Кто бросает лопатку и аппарат, издает вопль и бежит показывать находку друзьям. Кто наоборот сует ее тут же в карман, оглянувшись по сторонам, и лишь потом, скупно улыбаясь, предъявляет ее товарищам и принимает поздравления. Есть отдельные граждане, кто вообще скрывают все, что нашли, хотя весь их внешний вид говорит как раз об обратном.

Я сейчас и не вспомню, екнуло ли у меня сердце, когда мой навороченный Фишер ответил на очередной взмах громким чисто "монетным" звуком. Но вот когда в ямке сверкнул гурт большой серебряной монеты, тогда сердце точно забилося учащенно. Я сразу и не понял, что за монету нашел. Показалось было, что иностранная и лишь через минуту дошло, что в руках у меня полтина Петра I 1717 года. Дата славянскими буквами, отличное состояние, хороший чекан. Такая находка - всегда некий знак. И просто так не дается. Монета лежала почти на дороге, и как всегда это бывает, возле нее все было обшарено особенно тщательно. Но - пусто.

Это я место я покинул не сразу и с сожалением. Но далеко не ушел. Через десяток шагов раздался тот же писк и из земли был извлечен уже рубль Александра I. Еще два метра - сразу две рублёвые монеты.

В общем, клад,

В тот день мы собрали восемь монет - семь рублевых и ту, первую, полтину. Залезали в крапиву, в бурьян, оттащили в сторону верхушку разбитого молнией дуба. Кроме серебра нашлось еще несколько монет, но самых обычных, николаевских. Весь клочок земли обшарили довольно хорошо, но сомнения - все ли нашли, как и всегда, оставались. Чтобы рассеять их, надо было косить бурьян, снимать верхний слой грунта.

С тем и уехали, так как уже смерклось и вообще надоело, так попадаться перестало. Вернулись через неделю, уже вчетвером, с большими лопатами, с носилками. Начали косить, вскапывать по плану. Грунт сняли на площади примерно метров десять, а из всех находок на самом дне ямы - проволочная монетка Алексея Михайловича. Зато чуть в стороне на немыслимой для металлоискателя глубине уловили едва различимый писк - и достали из ямки две лежавших одна на другой рублевые монеты. Верхней лежал рубль Екатерины Великой, нижней - Анны Иоанновны.

Разочарования, впрочем, не было. Мы как бы исполняли долг - добрать до конца, и, походив еще полчаса по черной земле бывшей деревни и найдя еще несколько медяков, отправились восвояси. Затем... Затем туда неожиданно выехала целая экспедиция - шесть человек на двух машинах... Сработал вечный психологический эффект - а вдруг чего пропустили.

И что самое удивительное - ведь снова нашли! Правда, другие монеты, и не совсем там, где надеялись, но откопали! Нашли сорок шесть медных пятак на площади размером с небольшую комнату. Лежали они в стороне от фундамента усадьбы, там, где уже начинался нетронутый цивилизацией чистый суглинок и куда никто из нас раньше не забредал. Лежали пятаки на большой, сравнительно, глубине - около полуметра. Все они были довольно редко попадающиеся кладоискателю александровского времени и, к сожалению, не в лучшем состоянии. Активная глина, с какими-то кислотными в ней субстанциями превращает медную монету просто в покрытый зеленым рыхлым окислом кружок, на котором даже

после всей отмывки трудно бывает прочесть легенду,

Ну, ладно - монеты собрали, порадовались, уехали. И вот недели через три раздается ранним-ранним утром звонок. Поднимаю трубу и слышу голос одного из тех, кто был на этом месте - назовём его, допустим, Лёша.

- Михалыч, я клад нашел! Только что! Звоню прямо из ямы! Там же, только в месте другом.

- Где? Какой?

И что же выяснилось - приснился будто бы ему ночью сон. Яркий такой сон, впечатляющий... Что вот едет он по грунтовке, останавливается где-то, начинает копать и сыплются ему, как из-под цветка папоротника, в руки серебряные монеты.. И тогда оглядывается он во сне и место это узнает. Короче говоря, проснувшись после этого сна, до конца ночи уснуть Лёша не сумел, а с первым светом, выбежал из дома, прыгнул в машину - и поехал, плюнув на работу.

И нашел. 19 штук серебряных рублей и три полуполтинника. Из этого количества две монеты оказались - Петра III и Екатерины II - довольно редкого чекана. Да и остальные монеты тоже не очень обычные.

По его словам он остановил машину примерно там же, где и в прошлый раз. Затем решительно миновал предыдущие раскопки и прямо зашагал по еле намеченной колее к лесу. И здесь прямо на дороге начали ему попадаться монеты.

Мы потом долго пытались понять как именно - плугом ли, колесами ли, тракторными ли гусеницами, растащило клад столь прихотливым образом, но так и не смогли. Основная масса рублей - около тридцати штук - лежала неглубоко и практически на дороге, остальные мы нашли в радиусе около пятидесяти метров от центрального скопления монет.

Загадкой осталось и то обстоятельство, что один ли это был клад или все-таки разные, поскольку расстояние между "эпицентрами" было довольно большое, хотя время кладов, за исключением пятак, примерно совпадало - от Петра I до Александра I.

Мы еще не раз затем возвращались на это место, благо

располагалось оно не очень-то и далеко. В следующий приезд откопали еще три монеты по рублю и несколько полуполтинников. Потом - уже снег кое-где лежал - снова появились на том же поле. Откуда-то ехали, оставалось время - и решили завернуть. И опять нашли один полуполтинник! Поэтому думается, что есть где-то и еще монеты из того же клада и, наверное, не раз услышат окрестности сожженной усадьбы писк металлоискателя.

Сезон 2000 года вообще прошел для тех, кто искал, довольно удачно. Уже под самый занавес, в ноябре пришли сведения, хотя и обрывочные, но вполне достоверные о полевых находках кладов, Откуда-то из-под Смоленска на "Газели" в Москву - продавать - привезли около полтонны медных монет - свыше восьми тысяч екатерининских пятикопеечников. В Московской области в молодежной компании кто-то один сумел убедить остальных сброситься на самый дешевый металлоискатель. Сбросились, купили, выехали за околицу - и с первого захода обнаружили в деревянном сундучке двести золотых десятков николаевской чеканки. Под Клином на месте опять-таки исчезнувшей барской усадьбы человек с металлоискателем нашел в горшке 69 серебряных рублей от Петра I до Екатерины...

В Питере где-то на Лиговке из стены ремонтировавшегося дома на головы строителей высыпалось около полпуда столового серебра...

И так далее. Жизнь придумывает песню за песней - и я просто не успеваю описывать все находки и обстоятельства их сопровождавшие. Именно поэтому я вынужден заканчивать эту книгу - иначе она не закончится никогда. Некоторые наши ребята ведут подробный дневник каждой своей экспедиции, каждой поездки. Где был, с кем, что именно нашли, и как это было. По-моему, в этом что-то есть. Нужно записывать, нужно делать фотографии особенных редкостей, нужно показывать их специалистам, определять степень редкости...

Вне поля внимания автора остались еще достаточно много аспектов любительского поиска древностей, но я как-то

надеюсь, что дойдут когда-нибудь руки, и я сумею написать продолжение.

Поэтому -

КОНЕЦ ПЕРВОЙ ЧАСТИ

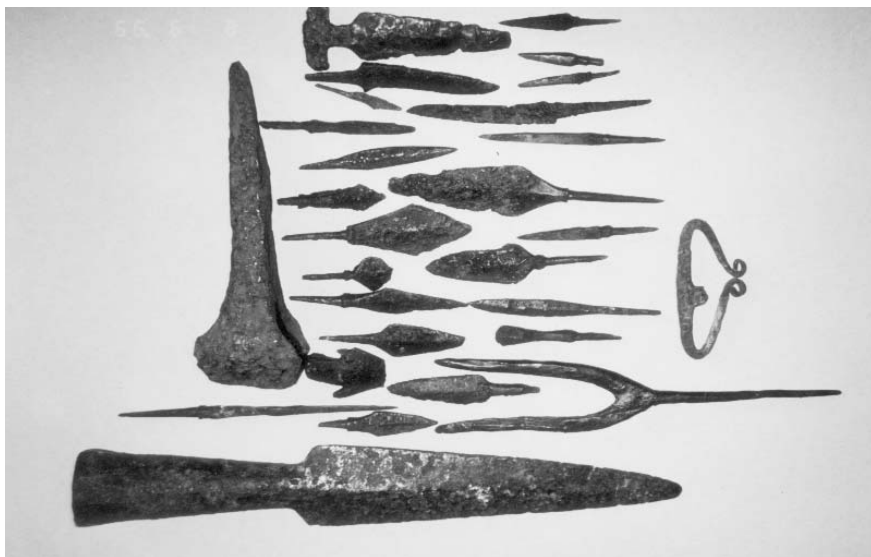

Когда клад появляется из земли, в эти минуты время как бы останавливается

Это не клад. Это русские медные монеты, найденные за один сезон

Древнее оружие проливало крови не меньше, чем современное

Автор этой книги, Соловьёв Николай Михайлович, - писатель, журналист, издатель, коллекционер. Разгадками исторических тайн увлекается с начала восьмидесятых годов. Участвовал во многих археологических экспедициях. Его огромный опыт поисков и находок нашёл отражение в этой книге.

С момента создания Историко-изыскательского общества "Клуб "Раритет" является его бессменным президентом. Автор многочисленных публикаций о загадках русской истории.